

Московская
международная
конференция

«АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ
ЭЛЕМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ»

17–19 октября 2016 г.

Институт философии РАН

(Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1)

МАТЕРИАЛЫ К ДОКЛАДАМ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
Центр античной и средневековой философии и науки
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ОЛИМПИЙСКИЙ ЦЕНТР ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ (АФИНЫ)
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И.М. СЕЧЕНОВА
Кафедра истории медицины, истории Отечества и культурологии

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

17 – 19 октября 2016 г.

**Институт философии РАН
(Москва, ул. Гончарная, дом 12, строение 1)**

МАТЕРИАЛЫ К ДОКЛАДАМ

А К В И Л О Н

УДК 1 (091) / 9 (094)

ББК 63.3 / 87.3

А 81

*Конференция организована и проведена при поддержке
Российского научного фонда (РНФ), Проект № 15–18–30005*

Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: Московская международная конференция по Аристотелю 2016. 17 – 19 октября 2016 г. Институт философии РАН. Материалы к докладам / Отв. ред. В.В. Петров. — М.: Аквилон, 2016. — 64 с.

Публикуются материалы к докладам, представленным участниками Московской международной конференции «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности», проводимой 17–19 октября 2016 г. в Институте философии РАН. Конференция является частью всемирного годичного конгресса «Аристотель сегодня», посвященного 2400-летию Аристотеля.

Научное издание

ISBN 978–5–906578–15–0

© В.В. Петров, общая редакция, составление, 2016.

© Коллектив авторов, 2016.

© Аквилон, 2016.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издательством запрещается.*

СЕКЦИЯ 1

АРИСТОТЕЛЬ И ЕГО УЧЕНИЕ

Евгений Викторович Орлов (Новосибирск)

Аристотель об универсальном и единичном в «Метафизике» XIII, 10

А.Ф. Лосев считал, что Аристотель решает апорию единичного и общего в связи с сущностью, привлекая дистинкцию возможности и энергии, именно в *Met.* XIII 10. Однако его истолкование *Met.* XIII 10 вызывает ряд вопросов. Аристотель формулирует и обсуждает в «Метафизике» целый ряд проблем, касающихся сущности, а также универсального и единичного. Какие именно проблемы из этого ряда обсуждает Аристотель в *Met.* XIII 10? У Аристотеля следует различать бытие сущности, ее возникновение, познание сущности, а также применение универсального знания к единичному. О чем из этого ряда идет речь в *Met.* XIII 10? И действительно ли *Met.* XIII 10 имеет решающее значение для Аристотелевского решения проблемы универсальности и единичности сущности?

Игорь Владимирович Берестов (Новосибирск)

**Скептические следствия аристотелевской концепции «целого»
из «Метафизики» (VII 17)**

Аристотель (*Met.* VII 17, 1041b 15–22) пишет, что целое состоит не только из элементов, но, помимо них, ещё и из «чего-то иного». Мы могли бы интерпретировать это «нечто иное» как порядок элементов, связь или структуру, соединяющую элементы. Аристотель задаётся вопросом: является ли эта структура элементом того целого, в которое структура связывает элементы? Аристотель отвечает на этот вопрос отрицательно, поскольку, если структура — элемент этого целого, то в этом целом будет также присутствовать и вторая структура, которая связывает первую структуру с исходными элементами, составляя, таким образом, целое с первой структурой и исходными элементами. О второй структуре и её элементах можно сказать то же самое, что и о первой структуре и её элементах. Таким образом, возникает бесконечный регресс структур, объявляемых частями исходного целого. Возникший регресс структур имеет важное значение для выявления проблематичности понятия «целое» и соответствует регрессам, используемым Платоном (две версии *Аргумента третьего человека* и начало *Второй Гипотезы* в *Пармениде*), Зеноном Элейским (3; 10 Lee) и Секстом Эмпириком (*Pyrr.* I, 166–172; *Pyrr.* II, 93) для обоснования невозможности или непостижимости сложного (целого) объекта или невозможности осуществить структуру, обосновывающую наши убеждения о чём бы то ни было.

Марина Николаевна Вольф (Новосибирск)

Проблема соотношения и проблема согласования видов поиска у Аристотеля: подходы к решению

Вопрос о методах исследования у Аристотеля включает различные типы поиска: эмпирический, эндоксический, практический, теоретический, поизтический, диалектический, эпистемический, этический, философский. Попытка унифицировать эти виды поисков ведет к формулировке двух проблем: проблемы соотношения и проблемы согласования поисков. Первая проблема описывает соотношение практического и теоретического разума с практическим и теоретическим исследованием, а также сферу применения их обоих. Вторая проблема устанавливает соответствие эндоксического, диалектического, этического и философского поисков между собой и соответствие каждого из этих типов поиска теоретическому или практическому исследованию. Эти методы исследования у Аристотеля наследуют концепции поисков в прежних философских учениях в контексте парадокса Менона: искать ли то, что уже известно (Z1) или искать то, что не может быть известно в принципе (Z2). Аристотель фактически переосмыслил парадокс Менона как необходимый переход от Z2 до Z1 — от недостаточного знания к абсолютному. И если первая посылка парадокса — неизвестное не может быть найдено — отбрасывается им полностью и постулируется необходимость такого исследования, то вторая посылка у Аристотеля принципиально пересмотрена по сравнению с предыдущей философской традицией, и она используется следующим образом — абсолютное знание можно получить, и если оно достигается, поиск прекращается.

Софья Владиславовна ПИРОЖКОВА (Москва)

Границы познания будущего: два аргумента Аристотеля.

В докладе рассматриваются ограничения, накладываемые Аристотелем на возможность получения истинных высказываний о будущем. Аргументация Аристотеля реконструируется в виде двух аргументов против истинности всех высказываний о будущем: аргумента от существования случайных (контингентных) событий и аргумента от существования деятельности. Анализируется специфика формулировок, предложенных Аристотелем, и современный контекст. Последний включает результаты философской рефлексии над квантовомеханическим, системно-сложностным и синергетическим описаниями реальности, в которой востребованными оказываются учения Аристотеля о двух типах бытия и четырех видах причинности, а также ряд выводов философской теории деятельности. Показывается, как обозначенные Аристотелем границы возможности познания будущего учитываются в современной прогностической практике: с одной стороны, в методологии прогнозирования, с другой — в комплексной деятельности, интегрирующей прогнозирование, планирование, проектирование и осмысление будущего.

Артем Тимурович ЮНУСОВ (Москва)

**Ἀλόδεξις на практике: элементы теории научного доказательства
«Второй аналитики» в трактатах Аристотеля**

Широко дискутируемой в современной аристотелеведении является проблема несоответствия теории научного доказательства (*ἁλόδεξις*), как она сформулирована Аристотелем в рамках «Второй Аналитики», реальной практике изложения и обоснования своих взглядов Аристотелем в его собственных научных (физических, психологических, биологических, этических, метафизических) трактатах. В рамках доклада будет предпринято рассмотрение фрагментов трактатов Аристотеля, в которых можно обнаружить родственные доктрине «Второй Аналитики» способы рассуждения. Будет предпринята попытка ответить на вопрос: можно ли в научных трактатах Аристотеля обнаружить рассуждения полностью или хотя бы частично удовлетворяющие модели построения научного знания «Второй Аналитики»? Если да, то каково место этих рассуждений в рамках книг, в которых они обнаруживаются? Что может дать анализ указанных фрагментов для понимания реальной методологии построения доказательств в научных трактатах Аристотеля (особенно в свете распространенного тезиса о том, что реальным способом доказательства в них выступает диалектическое рассуждение?)

Анна Сергеевна АФОНАСИНА (Новосибирск)

Свидетельство Аристотеля о способах дыхания по Эмпедоклу

Среди многочисленных фрагментов Эмпедокла наше внимание привлёк фрагмент В 100, в котором древний философ сравнивает дыхание с действием клепсидры. Это наблюдение вызвало много споров среди ученых (Powell 1923, Last 1924, Furley 1957, Booth 1960, Bollack 1965, O'Brien 1970). Основной вопрос состоял в том, какой тип дыхания описывает Эмпедокл — носовое или кожное. В выступлении я рассматриваю возможные решения этого вопроса и предлагаю в свою очередь считать, что Эмпедокл описывает кожное дыхание. Однако кожа должна рассматриваться здесь не как наружный покров тела живого существа, а как оболочка дыхательных органов.

Ильшат Рашитович НАСЫРОВ (Москва)

**Аль-Кинди и его трактат «Краткое изложение учения о душе
из книг Аристотеля, Платона и других философов».**

Аль-Кинди, Абу Йусуф Йа'куб ибн Исхак (ок. 801–866) — арабский философ, первый представитель арабо-мусульманского перипатетизма и автор многочисленных произведений по различным отраслям научного знания (метафизика, логика, медицина, астрология, этика, математика, геометрия, теория музыки, химия и т.д.). В докладе обсуждается небольшое произведение аль-Кинди под названием «Краткое изложение учения о душе из книг Аристотеля, Платона и других философов», в котором представлены его взгляды на природу души. Будет показано, что учение аль-Кинди о душе восходит к Аристотелю и Платону и представляет собой попытку установления согласия между этими двумя древнегреческими философами в этом вопросе в неоплатоническом духе.

СЕКЦИЯ 2

АРИСТОТЕЛЬ И ПЛАТОН

Ирина Николаевна Мочалова (Санкт-Петербург)

Учение об идеях-числах в ранней Академии:

Платон, Ксенократ, Аристотель

В докладе обосновывается продуктивность институционального подхода к интерпретации диалогов Платона. В контексте институциональной парадигмы анализируется феномен «неписаной философии» Платона. Реконструкция конкурентного дискурса позволяет раскрыть «неписанные учения» как результат внутришкольной полемики. Доказывается, что Ксенократ предлагает неплатоновский язык описания проблем, решаемых Платоном, и во многом определяет герменевтическую стратегию Аристотеля. На основе анализа *Met.* I 6, 13-14 обосновывается тезис о том, что учение об идеях-числах, центральное для так называемой неписаной философии Платона, является результатом аристотелевской интерпретации.

Ирина Александровна Протопопова (Москва)

Ум, мышление и пространство:

как Аристотель (не) понимает Платона (*De anima* 407a)

Речь пойдет о толковании Аристотелем описанной в платоновском «Тимее» космической душе, которую он понимает как ум (*νοῦς*) (*Tim.* 34b-37b). Аристотель видит в этом описании «пространственную величину» и оспаривает такой взгляд, высказывая свое мнение относительно ума, мышления и их движения — как он считает, отнюдь не кругового. Обоснование этого мнения отчетливо демонстрирует разницу между аристотелевским и платоновским пониманием ума. Мы постараемся показать, в чем заключается непонимание Аристотелем платоновской метафоры космической души и, соответственно, ума, привлекая для объяснения диалог Платона «Софист».

Елена Валентиновна Алымова (Санкт-Петербург),

Светлана Викторовна КАРАВАЕВА (Санкт-Петербург)

Дискуссии «О благе»: ранний Аристотель vs Платон

Доклад посвящен одной из весьма актуальных проблем современного философского антиковедения, затрагивающих не только изучение и интерпретацию философии Аристотеля, но касающихся также изучения наследия Платона. Речь идет о своего рода философском перекрестке, на котором встречаются

Учитель и его Ученик. Вопрос, интересующий авторов заявленного доклада, касается взаимодействия Платона и Аристотеля в ранний период творчества последнего. В основу реконструкции этого диалога положена так называемая лекция Платона «О благе», свидетельства о которой носят вторичный характер и, в конечном счете, восходят к одноименному сочинению Аристотеля. Актуальность этого текста, дошедшего до нас, к сожалению, в передаче более поздних комментаторов, определяется еще и тем, что он является одним из источников для непрекращающегося спора между сторонниками существования «неписанного учения» Платона и их оппонентами.

Роман Викторович СВЕТЛОВ (Санкт-Петербург)
«Политик» Платона против «Политики» Аристотеля

В самом начале своей «Политики» (I 1, 1252a 9-16) Аристотель подвергает критике воззрения Чужеземца из Элеи, основного персонажа платоновского диалога «Политик» (258e-259c). Спор идет о том, родственны ли друг другу искусства политика, царя, домовладельца и эконома. Если Платон видит в них единое политическое искусство, то Аристотель решительно возражает против утверждения, что характер деятельности перечисленных персонажей один и тот же. За этой критикой стоит принципиально разное понимание природы политики. Для Аристотеля она является практической наукой, для Чужеземца же — видом познавательного искусства. С историко-культурной точки зрения позицию Аристотеля можно трактовать как провозвестницу эллинизма. Чужеземец же остается в рамках «классического» понимания политики, к тому же связанного с платоновской концепцией политической пайдеи (но не дублирующего ее). Несмотря на то, что «Политика» традиционно считается поздним произведением Аристотеля, сравнительный анализ текстов позволяет предположить, что полемика о существовании политического искусства была начата еще в Академии при жизни Платона, и, вероятно, в диалоге «Политик» мы уже обнаруживаем ее следы.

Андрей Владимирович ТИХОНОВ (Ростов-на-Дону)
Степень платонизма у Аристотеля: вопрос о критике Платона

В истории философии как дисциплине существует множество вопросов, не имеющих однозначного ответа и решения. Одним из таких вопросов является вопрос об общей природе философии Аристотеля: насколько ее энциклопедический характер и ее стремление к эмпиризму соответствует учению Платона? Оставляет ли критика Платона, проводимая Аристотелем, возможность говорить о платоническом характере его философии? Справедливо ли считать весь корпус сочинений Аристотеля результатом его стремления уйти от влияния учения Платона? Л. Джерсон указывает на существенную платоническую черту философии Аристотеля: веру в то, что умопостигаемое существует само по себе. В этом смысле Аристотель — платоник. Не-платоническую специфику философии Аристотеля можно выразить так: в платонизме различие между метафизикой и теологией размыто, поскольку главная цель заключается в создании объе-

диненного и цельного представления о реальности, а Аристотель пользуется системой научных понятий, позволяющих проводить различие теологических принципов и других знаний.

Илья Геннадиевич Гурьянов (Москва)

**Аристотелева психология в зеркале платонической экзегезы:
комментарий Марсилио Фичино к Прискианову изложению
«Об ощущениях» Теофраста**

Доклад посвящен комментарию Марсилио Фичино, виднейшего представителя флорентийского неоплатонизма конца XV в., который тот составил к составленному Прискианом Лидским изложению трактата Теофраста «Об ощущениях». Хотя исследователи давно перестали считать Теофраста простым эпигоном Аристотеля, в контексте психологии они оба придавали большое значение ощущениям как отправной точке познания. Напротив, философы, позиционировавшие себя внутри платонической традиции, подчеркивали, что существуют формы активности души, никак не связанные с ощущениями и материальным миром, вызывающим их. В докладе показывается, как Прискиан и Фичино, избегая прямых обвинений философов-перипатетиков в заблуждениях, применяли доступный им экзегетический инструментарий для согласования этих двух позиций в отношении природы души и ее свойств.

Нина Владимировна БРАГИНСКАЯ

**ΠΑΘΗΜΑΤΩΝ ΚΑΘΑΡΣΙΣ vs ΜΑΘΗΜΑΤΩΝ ΚΑΘΑΡΣΙΣ,
или Простое решение сложной проблемы**

В докладе рассматриваются преимущества чтения лучшей рукописи «Поэтики»: μαθημάτων κάθαρσιν (*Poet.* 1449b28). Это чтение, со времен гуманистов незаслуженно и навсегда вытесненное из текста в критический аппарат, позволяет сопоставить идею катарсиса не с психологией середины XIX в., а с Платоном (напр. *Soph.* 227c4: ὁ περὶ τὴν διάνοιαν καθαρμός; 231e5-6: δοξῶν ἐμποδίων μαθήμασιν περὶ ψυχὴν καθαρτήс) и неоплатониками (напр. Iamblichus. *Vita Pyth.* 16, 70: ἡ τῆς διανοίας κάθαρσις) и увидеть на месте «психоделического» эффекта, ярко выраженный оптимистический интеллектуализм, который и отличает Аристотеля от его учителя. Последствия устранения «страстей» из контекста очищения для понимания Аристотеля значительны, но еще больше они значат для понимания того, что теории, основанные на тенденциозном искажении текста первоисточника или на ошибке, могут, тем не менее, оказываться плодотворны.

СЕКЦИЯ 3
АРИСТОТЕЛИЗМ
В ГРЕЧЕСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ
IV–XII ВЕКОВ

Дмитрий Сергеевич КУРДЫБАЙЛО (Санкт-Петербург)
Философия языка и онтология имени
Аристотеля и Платона *per se* и в евномнианских спорах IV века

Современные исследования полемики Василия Великого и Григория Нисского с Евномием нередко ищут истоки позиций противоборствующих сторон в аристотелевском и платоновском наследии, отчасти развитом средними платониками, отчасти испытавшим влияние стоицизма. Однако отсылки в философии имени и Платона, и Аристотеля в большинстве случаев содержат лишь обобщённые представления, почерпнутые из «Кратила» Платона и «Об истолковании» Аристотеля. На сегодняшний день остаётся проблематичной, во-первых, роль воззрений Платона в формировании «лингвофилософского» дискурса Аристотеля, и во-вторых, подлинное значение обоих типов дискурса для участников евномнианской полемики, в которой, по всей видимости, впервые в поздней античности онтология имени и языка в целом приобрела решающее значение для метафизики и богословия. Этим двум вопросам и будет посвящён предлагаемый доклад.

Дмитрий Сергеевич БИРЮКОВ (Санкт-Петербург)
Перипатетические линии в учении Григория Нисского
о едином человеке

В докладе будет рассмотрено активно обсуждаемая в современной научной литературе концепция, развиваемая Григорием Нисским, согласно которой все люди представляют собой в определенном смысле единого человека. Полемизируя с реконструкцией историко-философского фона этой концепции Григория, принадлежащей Иоанну Цаххуберу и Ричарду Кроссу, докладчик предложит свое понимание и покажет зависимость Григория Нисского от «Введения» Порфирия. Будет показано наличие и других перипатетических линий в рамках этого учения Григория.

Алексей Русланович Фокин (Москва)
Трансформация аристотелевских категорий
в теологии и космологии Максима Исповедника

В докладе речь пойдет о том, как Максим Исповедник (580–662 гг.) в своей космологии переосмысливает 10 аристотелевских категорий, а также тесно связанные с ними логико-онтологические концепты (триада: сущность, сила, энергия), превращая их в чистые бестелесные логосы, благодаря соединению которых получается индивидуальная вещь, а также устанавливаются различные мировые связи. Также рассматривается вопрос о том, что Бог превосходит все аристотелевские категории, и в каком смысле можно приписывать Ему понятие сущности, силы и энергии. Наконец, ставится вопрос о возможном влиянии метафизики Аристотеля на представление Максима о том, что сущность Бога есть Его мышление.

Тимур Аркадьевич Щукин (Санкт-Петербург)
Рецепция аристотелевской космологии в поздневизантийской
философии: Иоанн Филопон и Максим Исповедник

Максим Исповедник в своем трактате «Амбигвы» посвятил ряд глав опровержению концепции вечности мира. Аргументы Максима отчасти повторяют, отчасти расходятся с теми доводами, которые Иоанн Филопон приводил против вечности мира в своем комментарии на «Физику» Аристотеля и в трактате «Против Аристотеля». Иоанн Филопон и Максим Исповедник сходятся в убеждении, что пространственная и временная ограниченность, а также бытие в движении являются неотъемлемыми свойствами твари, отличающими ее от Творца. Однако авторы расходятся в трактовке аристотелевского понятия «первой материи». Если Иоанн Филопон отрицал ее существование, то Максиму Исповеднику концепт материи был необходим в качестве космологического базиса христологии.

Пётр Борисович Михайлов (Москва)
Судьбы метафизики в греческой патристике и
поздней традиции комментариев на Аристотеля

Вопрос о метафизике в христианстве предполагается рассмотреть на материале дидактических и мистагогических идей и практик в ранней патристике и традиции комментариев на Аристотеля в позднем платонизме. Основным предметом является широко представленная в греческой и латинской патристике триадическая когнитивно-анагогическая схема, отчасти заимствованная из эллинистической философской культуры, отчасти дополненная и уточненная уже христианскими авторами: этика – физика – теология (эпоптика) или метафизика. С одной стороны, эта схема восходит к опыту систематизации научного знания, над чем древние философы стали работать еще во времена Платона и Аристотеля. С другой стороны, она призвана к решению практических задач духовной

жизни, с чем справлялась продолжительное время. В комментаторской традиции её модификации присутствуют во вводных разделах образовательных трактатов и учебников. Предполагается выявить взаимовлияние богословских и философских текстов, принадлежащих одной культуре и одной эпохе.

Мария Николаевна ВАРЛАМОВА (Санкт-Петербург)
**Интерпретация аргумента Аристотеля о бесконечной силе
в контексте спора Филопона и Прокла о вечности мира**

В VIII книге «Физики» Аристотель, обсуждая движение неба, предлагает аргумент о бесконечной силе первого двигателя, благодаря которой тот движет небо бесконечное количество времени. Позднее бесконечная сила первого двигателя или бога, интерпретируется неоплатониками (Аммоний, Прокл) не только как источник вечного движения, но и как источник вечного существования космоса. Филопон, воспринимая неоплатоническую интерпретацию этого аргумента, обсуждает его в рамках спора о вечности мира, доказывая, что бесконечная сила бога не влечет с собой с необходимостью бесконечного движения или бесконечного существования мира. Позиция Филопона, отстаивающего христианский догмат о сотворении мира «из ничего», приводит его к новому пониманию соотношения бесконечного и конечного; также он предлагает новое представление о причинности движения, в частности — о причине движения неба, которое отражается в представлении о впечатленной силе.

Сергей Борисович АКИШИН (Санкт-Петербург)
**«Аристотелевские» корни аргументации Николая Мефонского
против положений неоплатонизма в его трактате
«Опровержение ‘Первооснов теологии’ Прокла»**

Николай, еп. Мефонский (? – п. 1156 г.), византийский церковный писатель и богослов, выступил с полемическим сочинением «Опровержение “Первооснов теологии” Прокла». Этот трактат, содержащий аргументированные возражения против каждого параграфа труда Прокла, в основном выдвигает доводы, основанные на доктрине ортодоксального христианского вероучения. Но поскольку его труд был обращен к тем кругам образованных людей в византийском обществе XII века, в которых наблюдался оживленный интерес к античному философскому наследию, в особенности неоплатонизму, то в некоторых случаях Николай для большей убедительности исходит из учения Аристотеля. В этой связи заслуживают изучения способы, к которым прибегал византийский автор для опровержения тех тезисов Прокла, которые генетически тяготели к платонизму и потому, как представлялось Николаю, маркировались как «языческие» — в противовес истинам аристотелизма, относительно «нейтральным» с богословской точки зрения.

СЕКЦИЯ 4

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛОГИКЕ

Елена Григорьевна ДРАГАЛИНА-ЧЕРНАЯ (Москва)
Рождение логической формы

Формальность является традиционным критерием демаркации границ логики, базисный парадокс которой состоит в том, что логическая форма относится к числу ее центральных неформальных понятий. Историко-философской загадкой является весьма позднее эксплицитное появление понятия логической формы. Сложность его точного определения обусловлена, в свою очередь, многообразием трактовок дихотомии логической материи и логической формы. В докладе ставятся следующие задачи. Во-первых, на основе дихотомии субстанциальной и динамической моделей формальности уточняются различные версии логического гилеморфизма. Во-вторых, сопоставляются интерпретации ассерторической силлогистики Аристотеля, метатеоретический характер которой определяет ее внимание, скорее, к формальным отношениям между совершенными и несовершенными правилами вывода, чем к каноническим структурам категорических суждений. Отсутствие в аристотелевской силлогистике строгого различения между синтаксисом и семантикой, а также ее редуктивный подход к типологии выводов смещают фокус интереса со схематической на динамическую модель формальности. В-третьих, предпринимается попытка систематизировать варианты логического гилеморфизма от Александра Афродисийского до «программы Больцано-Тарского». Более широкая задача состоит в обсуждении истоков ключевой роли логической формы в дисциплинарной идентичности логики.

Александр Степанович КАРПЕНКО (Москва)
Фаталистические аргументы Аристотеля

Суть любого фаталистического аргумента заключается в доказательстве того, что будущее предопределено, т.е. для будущего хода событий и самих поступков людей нет альтернатив. А если нет альтернатив, то ничего уже изменить нельзя. Доказательство этого может быть достигнуто различными способами, получившими следующие названия: (1) «логический фатализм», (2) «метафизический фатализм», (3) «теологический фатализм» и (4) «детерминизм». Первые два способа обоснования фатализма появились в знаменитой 9-ой главе трактата Аристотеля «Об истолковании». Интерес к фаталистическим аргументам заключается в том, каким образом можно избежать фаталистических следствий при принятии аргументов истинными. Главный вывод состоит в следующем: человек свободен в своих действиях, если имеет власть над прошлым.

Тарас Александрович Шиян (Москва)
Семиотическая новация Аристотеля:
конституирующий вклад в создание формальной логики

В «Первой Аналитике» Аристотель применил семиотический прием, порождающий знаки особого вида, называемые в современной логике параметрами. Этот прием состоит в использовании букв (или иных значков и их сочетаний) для замещения частей анализируемого выражения. В «Первой Аналитике», как известно, в качестве анализируемых выражений выступали атрибутивные высказывания, а в качестве выражений, замещаемых при помощи букв греческого алфавита, — термины. Такой шаг позволил Аристотелю записывать атрибутивные высказывания в обобщенном виде (в современной терминологии, логические формы атрибутивных высказываний) и благодаря этому построить первое в истории учение о формальном выводе (о рассуждениях между атрибутивными высказываниями). Уже Александр Афродисийский, Аммоний, Филопон указывают на использование букв как на характерную черту перипатетической логики. Традиционное для историков математики неразличение параметров и переменных, а также параметров и условных имен приводит историков математики и логики к непониманию вклада, который Аристотель внес в приемы логических и математических обозначений. В докладе предполагается (1) более детально разобрать отличие параметров как знаков особого вида от неизвестных и переменных, с одной стороны, и от условных имен, с другой, и, благодаря этому, (2) более точно выделить вклад именно Аристотеля в развитие европейской семиотической культуры.

Ангелина Сергеевна Боброва (Москва)
Модели формальности в работах «американского Аристотеля»

Аристотелевская силлогистика — теория, определившая путь развития логики как формальной дисциплины. Но что означает ее формальность? Окончательного ответа на сегодняшний день не существует. Е.Г. Драгилина-Черная в «Неформальных заметках о логической форме» (2016) различает два типа моделей формальности: субстанциальные и динамические. В докладе обсуждается модель, с которой мы сталкиваемся в трудах Ч.С. Пирса. Ее оценку следует начинать с вопроса влияния, которое на американского философа оказали идеи Аристотеля (типология рассуждений, привычка вывода, роль прагматики в логике и т.д.). Ответ на него, как будет показано, не только приближает нас к пониманию модели, которой придерживался Пирс, но и предлагает новый взгляд на аристотелевское наследие.

Владимир Леонидович Васюков (Москва)
Аристотель о взаимоотношении логики и онтологии

Аристотель был не только основателем логики, но и онтологии, которую он описывает в «Метафизике» и «Категориях» как учение об общих свойствах

всех сущностей и категориальных аспектах, в которых они могут быть анализированы. В то же время считается, что Аристотель оставил нам в наследство не одну, но две разных логики: раннюю диалектическую логику «Топики» и формальную силлогистическую логику «Первой Аналитики», которая рассматривает логику таким же образом как современная символическая логика. Согласно Ю. Бохеньскому, символическая логика является «теорией общих объектов», так что у логики, как ее сейчас понимают, предмет тот же, что и у онтологии. Но считал ли сам Аристотель, что онтология является введением к логике?

Зинаида Александровна СОКУЛЕР (Москва)

Аристотелевская физика и космология и наука Нового времени

Аристотелевская физика и космология считались образцом научности на протяжении почти двух тысячелетий, пока их положение не изменила становящаяся наука Нового времени. В этот период физика и космология Аристотеля становятся объектами нападок, даже насмешек, как мы можем видеть на примере «Диалога о двух главнейших системах мира» Галилея. Содержащиеся в нем нападки и обвинения в адрес Аристотеля заставляют обратиться к анализу аристотелевских понятий качественного изменения как перехода к противоположному и связи понятия противоположности с аристотелевской классификацией движений.

Владимир Иванович ШАЛАК (Москва)

Обманчивая простота логики Аристотеля

Историю логики условно делят на два периода. Первый — от Аристотеля до Фреге, а второй — после Фреге. Мы живем и работаем в послефрегевский период. Широко распространено мнение, что все наработанное до этого успешно вырази́мо в языке современной логики, и аристотелевская силлогистика, благодаря трудам Яна Лукасевича, может быть представлена в одноместном исчислении предикатов или в виде некоторого расширения логики высказываний. Но не все так просто. Может показаться удивительным, но мы до сих пор не имеем содержательно адекватной семантики категорических атрибутивных высказываний, на которых строится вся логика Аристотеля. В докладе будут рассмотрены возможные интерпретации таких высказываний, каждая из которых имеет свои плюсы и минусы.

Владимир Ильич МАРКИН (Москва)

**Разгадал ли Лукасевич загадку модальностей
в силлогистике Аристотеля?**

Силлогистика Аристотеля является модальной дедуктивной системой, асерторическая силлогистика составляет очень узкий ее фрагмент. Эта модальная логическая теория вызвала возражения у античных и средневековых последователей и комментаторов Аристотеля. Он считал корректными некоторые «сме-

шанные» силлогизмы с одной аподиктической посылкой, одной ассерторической посылкой и аподиктическим заключением. Его ученики Теофраст и Эвдем выдвинули известный принцип «заключение может иметь модальность лишь слабойшей по модальности посылки», отвергая тем самым все подобные модусы. Выдающийся польский логик Ян Лукасевич считал ошибочными оба варианта модальной силлогистики. По его мнению, все «смешанные» модусы, образованные из правильных категорических силлогизмов, корректны. В докладе будут представлены два перевода ассерторических и аподиктических высказываний в модальную логику предикатов с равенством: первый обеспечивает корректность всех законов аподиктической силлогистики Аристотеля, второй — корректность всех аподиктических силлогизмов, принимаемых Лукасевичем.

Павел Валерьевич Соколов (Москва)

Критика «греческой силлогистики» в «Опровержении логиков»

Ибн-Таймиййи аль-Харрани (1263–1328)

Критика «греческого силлогизма», разработанная известным ханбалитским богословом, факихом и политическим теоретиком Ахмадом Ибн Таймиййи, рассматривается в докладе как попытка построить собственный вариант *logica utens* на основе шариата. Демонстрируется, что основные элементы критики силлогизма у Ибн Таймиййи — бесполезность силлогистической формы для познания единичных вещей, тавтологичность аподиктического доказательства по отношению к «интуитивному», допущение произвольного количества посылок в зависимости от интеллектуальных способностей аудитории, — были нацелены на преодоление посредством «юридической аналогии» практической ущербности «силлогизма логиков» (аль-кыйас аль-мантики), т.е. категорического силлогизма (аль-кыйас аш-шумуль).

СЕКЦИЯ 5

ARISTOTLE AND HIS THOUGHT

Светлана Викторовна МЕСЯЦ (Москва)

Is it Possible to See Darkness?

Some Remarks on Aristotle's Theory of Light and Color

The presentation aims to solve a number of problems entailed by Aristotle's theory of color, in particular to explain the role of light in the process of vision, explain the alteration that transparent medium undergoes, while mediating color from the visible object to the organ of sight. The solution proposed allows to understand, why — within the framework of Aristotle's color theory — it is possible to see darkness and black color.

Антониу Педру МЕШКИТА (Лиссабон, Португалия)

Relations in Aristotle

Predicative propositions are the basic structure of a specific kind of term logic that can be traced back to Aristotle. The difficulties it encompasses are evident. An obvious one is the framing of relations, as defined in the Aristotelian doctrine of categories, within this kind of logic. This difficulty can be summarized as follows: how can one reconcile the doctrine according to which every proposition has but two terms with Aristotle's assumption of a category of relation, and therefore with the thesis that 'is' can introduce relations ('master of', 'son of', etc.), whose correlates must be objects ('Plato is the master of Aristotle', 'Socrates is the son of Sophroniscus'), thus forming no longer a dyadic, but a triadic assertion? Despite the superficially thorny aspect of the question, it raises no genuine difficulty. And the answer to this question is, we think, relatively simple. In fact, as we will attempt to show in our talk, in the Aristotelian predicative propositions — whatever their categorical content may be, which is to say regardless of the type of predication introduced by the proposition —, there are always only two terms, and relational predications (in the Aristotelian sense) are no exception in this regard. However, the solution to this problem leads us to a further difficulty; and this time it is quite a genuine one. The new problem can be put as follows: subject / predicate logic, upon which the notion of proposition rests, is incapable of accounting for relations (in the strong and proper sense of 'relation'). To put it more incisively: any discourse whose relations, in this sense, are ineradicable is impervious to subject / predicate logic.

How can this incapacity be justified? We will attempt to show that, within Aristotle's system, the justification lies in the system's insensitivity to propositions whose subjects are singular terms. In fact, the very doctrine of proposition was developed to service a logic that acknowledges only quantified sentences and where, therefore, there

are no singular subjects. Hence that logic's neglect of relations (as functions which arguments are singular terms) and why it sees no need to overcome, break away from, or reformulate the framework set by the model of predicative propositions for purposes of accommodating atomic structures with more than two terms (i.e., with a structure other than subject / predicate). In short: the Aristotelian system does not include a logic of relations because it does not include singular term logic to begin with. Aristotle's logic is a logic of connections between universals; and this is why the predicative proposition structure provides it with the necessary and sufficient conditions for it to operate.

Ольга Валерьевна АЛИЕВА (Москва)

Smart and Stern: Enemies of Philebus, friends of Plato

Although the *Philebus* is one of the latest Plato's texts, it deals with doctrines explicitly marked as "ancient" and admittedly associated with Pythagorean circles. To be sure, the views on pleasure presented in the dialogue by Philebus and his "enemies" echoed Academic discussions, as conveyed by Aristotle in the *Nicomachean Ethics* X, 2. This does not imply, however, that such views were coeval with these discussions. Thus, J. Dillon, though maintaining that it is Speusippus who hides beyond "the enemies of Philebus", notes certain parallels with the *Phaedo* 60b; his reconstruction of Speusippus's doctrine (with its 'essential distinction' between impure motion-pleasures and state-pleasures) makes one think of the doctrines exposed in the *Gorgias* and in the *Republic* on behalf of some 'wise men'. Since at this earlier stage of his career Plato could not possibly have Speusippus in mind, we must admit that his nephew's views on pleasure were not particularly novel. This paper attempts to reconstruct, as far as possible, the doctrine of the "stern physiologists" whom Plato credits with ingenuity and whose insights he takes as departure point to build upon his own notion of pleasure.

Алексей Анатольевич ГЛУХОВ (Москва)

Aristotle and the Common Language of Thought

I will discuss the following four interrelated questions. 1. Aristotle's contributions to philosophy are innumerable; shall we credit him with yet another achievement — the creation of 'the common language of thought'? Unlike Plato, who considered human differences to be unamendable, Aristotle's overall strategy in various fields of philosophy focuses on establishing a logical space accessible to everybody. In the end, Plato hides himself from his readers; Aristotle relies on being understood by his audience even in the most difficult passages. This is why we tend to read his even 'esoteric' texts as if they were open to all. 2. How does this common language of thought emerge? To some extent, Aristotle creates it intentionally; therefore, some traces of his creative work might be registered. Two promising research paths stand out: we shall analyze first his polemics with Plato and second his devices in order to differentiate between an ideal human society and more primitive or deviant forms of human life. 3. What can be counted as elements of the common language of thought? We may consider key Aristotelian solu-

tions in logic, ethics and politics — such as the selection of significant theses in topics, virtue as the golden mean in ethics, polity as a mixture of democracy and oligarchy and so on — as application examples of the same general strategy with the effect of creating a common logical space and studying its possibilities. Common language is not the same as natural language, ordinary language or language of the majority; it is a logical strategy. In each of these cases, some general property is taken as a starting point, which is subsequently subjected to a specific philosophical improvement. 4. What is the meaning of the common language of thought? In the first place, we have to establish a perspective from where this question can be answered; indeed, any partial disciplinary frameworks are too narrow. Such a perspective was suggested by Aristotle himself when he defined humans as speech (logos) possessing animals. He went on to mention two fundamental capacities of human logos: expressing the good and expressing the just. The same basic duality we also find in Plato. Unlike Plato, Aristotle prioritizes the just over the good, whereas his work on the common language of thought functions as implementation and justification of this philosophical preference. The meaning of the introduction of the common language of thought is the movement towards justice.

Лиляна КАРАЛИ (Афины, Греция)

The Impact of Aristotle in Archaeoenvironmental Studies

Humans, animals, plants, earth, soil and climate are strongly interconnected, bounded by a dynamic ever changing relation. The species Homo depends on the natural environment and the natural environment depends on the scale of human activity and intervention. Nowadays Archaeoenvironmental studies deal with the natural and the anthropogenic environment. They focus on the understanding of the past, based on the detection and the recollection of information about the formation and the subsequent alterations of landscapes. Environmental Archaeology is a recent interdisciplinary field of research dealing with the reconstruction of past environments for a better understanding of the life, the achievements and the disappearance of past societies. Environmental Archaeology consists of two main branches: Geoarchaeology and Bioarchaeology. Geology, as a scientific field, has been established by ancient Greek philosophers. Geoarchaeology is mostly based on Aristotle's works and methodology. The merit of Aristotle is that, apart from his own original contribution in this science, he preserved the theories of previous philosophers, about places and phenomena of geological interest. He furthermore used a scientific methodology, he categorized the existing knowledge, criticized it and advanced in probative conclusions, thus becoming the representative of the academic domain of the natural sciences. Concerning the field of geology he has observed, described, understood and explained some critical natural phenomena. One of the issues examined by Aristotle was earthquakes. He considered earthquakes and volcanic explosions strictly interconnected. Furthermore he treated the nature of rocks, and composed the first completed treatise on the subject. Another issue he has treated has been the origin and the movement of the rivers. Through his record we conceive that he knew very well what he was describing, as for example, the system of flow in Northern Mediterranean Sea. He has even commented one of the upmost modern scientific topics the phenomenon of the changes in the land and the sea level. Aristotle results in impressive conclusions that are very close to the

reality. Some phenomena slip the human attention because they happen periodically and in very long periods of time, if compared to the short time of human life. So it is possible that some ancient civilizations have disappeared without leaving any traces due to the big earthly changes. His statement that “the time does never stop and the universe is eternal”, is making him the father of Archaeoenvironmental studies.

Мохаммад Джавад ИСМАИЛИ (Тегеран, Иран)

Aristotle's *Physics* in the Arabic Tradition:

Towards a New Edition of the Text

The *Corpus Aristotelicum* was rendered almost completely into Arabic in the ninth century CE (= third century AH). It was a period of great interest, not only for the Arabic tradition but also for the West, among other things because some texts lost in Greek were preserved in Arabic. Aristotle's *Physics* (Gr. *Fusikē akroasis*, i.e. ‘Lectures on physics’) has been preserved both in the original Greek and in Arabic. Over the last two years, I did some detailed research on the textual tradition around Book I of this work, comparing the editions of W. Kutsch & Kh. Georr (1963–1964) and A. Badawi (1964–1965) with the unique and complete manuscript preserved in Leiden (MS Or. 583). For this reason I should like to focus on this topic. The structure of my talk will be as follows: 1) Introduction, 2) Aristotle's *Physics*, 3) MS Leiden, Or. 583, 4) The edition by Kutsch & Georr, 5) The edition by A. Badawi, 6) Analysis of the two editions: I) Codicology, II) Readings, III) Missing or omitted text, IV) Homoio-teleutons, V) Other mistakes, VI) Results.

СЕКЦИЯ 6

АРИСТОТЕЛЬ

В ФИЛОСОФСКОЙ И НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Алексей Александрович Плешков (Москва)

Понятие «вечности»: Аристотелевская критика Платона

Представления Аристотеля о природе вечности, с одной стороны, основываются на достижениях платоновской философии, с другой стороны, он выступает как последовательный их критик. Критика является следствием различия общей философской установки двух авторов. Отказ от идей как метафизического принципа предполагает, во-первых, что в своей философии времени Аристотель не нуждается в вечности, характеризующей особый способ бытия идеального, во-вторых, время неизбежно рассматривается им как безначальное и бесконечное. Исходя из общей философской установки, по Аристотелю нет и не может быть иной вечности, кроме вечности времени. Этот факт порождает определенное напряжение между физикой и метафизикой Стагирита, анализ которого и является целью данного доклада.

Никола Добривоевич Лечич (Москва)

Аристотель о поверхности и цвете у пифагорейцев

В рамках рассуждения об отношении поверхности (понятой как предел тела) и цвета (*De sensu* 439a28 – b2), Аристотель утверждает, что пифагорейцы поверхность (*ἐπιφάνεια*) называли цветом (*χρoία*), т.е. что они в терминологическом смысле не делали разницы между ними. Данный пассаж в литературе обсуждался обычно в качестве косвенного доказательства ошибочности приписывания ранним пифагорейцам абстрактного понятия поверхности (которое мы встречаем у Платона и Эвклида), а тем самым и разных вариаций «теории деривации». В нашем докладе мы попытаемся показать, что раннепифагорейская доктрина о цвете – поверхности – границе имеет бóльшую ценность, прежде всего, для понимания их концепта числа, поскольку он в раннем пифагореизме разными способами связывался именно с границей.

Инна Александровна ГЕРАСИМЕНКО (Харьков, Украина)
Форма-морфе в «Метафизике» Аристотеля:
в поисках утраченного концепта

Доклад посвящен прояснению понятия формы у Аристотеля на основании анализа текста «Метафизики». Говоря о концепте формы у Аристотеля, сразу же приходится избавляться от сложившихся стереотипов. Принятый в русскоязычной переводческо-философской традиции перевод слова «эйдос» (*eidōs*) словом «форма» вносит неясность сразу в двух отношениях. Во-первых, тем самым разрывается органическая связь Платона и Аристотеля, оперирующих одним и тем же термином *eidōs*. Во-вторых, теряется различие между двумя собственно аристотелевскими терминами: *eidōs* и *morphe* (оба переводятся как «форма», что приводит к их синонимичному употреблению). Между тем, данные понятия наделены рядом различий, обнаружить которые можно, обратившись к оригинальному тексту «Метафизики». Само слово «морфе» здесь встречается значительно реже, чем «эйдос» (всего 25 раз), и при этом, в большинстве случаев, не в качестве единичного термина, но в неперменном соположении с чем-то еще. Чтобы определить специфику «морфе» и отличие ее от других смысловых «видов» (зачастую также переводимых как «форма»), анализу подвергаются контексты, в которых она себя полагает: в связке с материей (*hylē*), эйдосом (*eidōs*) и энергией (*energeia*).

Антон Львович ФОМИН (Москва)
Аристотель о видах чисел

Широко известно определение времени, которое дает Аристотель в IV книге «Физики» (219b 5). Здесь он различает два вида числа: число считаемое и число сосчитанное. Говорится, что время есть именно число считаемое, а не сосчитанное. Сосчитанное число фиксирует экстенсивную величину: количество или продолжительность времени, в течение которого совершалось какое-то движение. Примерами такого числа могут быть один час, три дня, десять лет и так далее. Считаемое же число к выражению абстрактного количества никакого отношения не имеет. Оно, как указывает Аристотель, есть то, посредством чего вообще становится возможен счет (как особый вид движения); то, что позволяет различить само движение, увидеть в нем до и после. Имеется ли это различие в XII книге «Метафизики»? Можно ли говорить о считаемом и сосчитанном числе как о видах чисел? Об этом пойдет речь в докладе.

Татьяна Валерьевна Литвин (Санкт-Петербург)
Проблема движения в философии времени Аристотеля

Доклад посвящен анализу четвертой книги «Физики» Аристотеля, в качестве задач рассматриваются особенности языка описания времени, проблема настоящего, категории понимания взаимосвязи времени и движения, сравнение аристотелевского представления о движении с философией Платона. Методом исследования является как историко-философская реконструкция, так и феноменологический метод, с опорой на онтологию времени А.Г. Чернякова.

Марина Юрьевна САВЕЛЬЕВА (Киев, Украина)
Парадокс времени в философии Аристотеля

Дано определение парадокса, обоснована его метафизическая (формально-логическая) сущность, проанализированы обстоятельства его возникновения и сделан вывод, что основанием парадокса является время как форма внутреннего чувства человека. Установлено, что парадокс времени может проявляться двойственным образом. 1) *Формально* — как непротиворечивое совпадение мышления субъекта с объектом, которым выступает мышление другого субъекта (опыт Платона). 2) *Содержательно* — как непротиворечивое совпадение теоретико-методологической и историко-эмпирической проблематики в мышлении субъекта (опыт Аристотеля). Анализируется основание совпадения теоретического и исторического в философском мышлении Аристотеля и показано отличие парадоксальности от диалектического принципа единства исторического и логического. Показана взаимосвязь парадоксальности мышления и изначальной цели философствования Аристотеля — осмысления бытия как сущего во времени.

СЕКЦИЯ 7

АРИСТОТЕЛЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ XIII–XIV ВЕКОВ

Олег Сергеевич Воскобойников (Москва)
**Михаил Скот и рецепция Аристотеля на Западе
в первой половине XIII века**

Доклад посвящен анализу творческого наследия Михаила Скота, придворного астролога Фридриха II Штауфена и переводчика ряда аристотелевских текстов с арабского на латынь. Появление и первая рецепция аристотелевских *libri naturales*, прежде всего биологической трилогии, непосредственно связаны с работой этого неординарного мыслителя и его мецената, просвещенного императора. Но проблема состоит в том, что в собственных сочинениях Скот по большей части не принимает ни физические доктрины Аристотеля, ни его метод, использует хорошо знакомые ему великие тексты Аристотеля весьма скупно. Почему? Поиску ответа на этот вопрос и будет посвящен доклад. Он будет основан на анализе в контексте развития космологических знаний от Шартрской школы до Высокой схоластики по большей части еще не опубликованных сочинений Михаила Скота: *Liber introductorius* в рукописи Clm 10268 из Баварской национальной библиотеки.

Михаил Львович Хорьков (Москва)
**Аристотель в сочинениях Майстера Экхарта:
амбивалентность традиции и парадоксы интерпретации**

Большинство современных исследований о Майстере Экхарте демонстрируют ключевую роль Аристотеля в богословских построениях этого доминиканского монаха. Аристотелевские элементы в его философии тесно связаны со школой немецких доминиканцев, к которой он принадлежал. Отличительной особенностью этой школы было подчеркивание особой роли интеллекта и интеллектуальной активности (интерпретируемых перипатетически) в качестве магистрального пути общения человека с Богом. Между тем, тщательный анализ вынуждает сделать вывод о том, что Экхарт, скорее всего, не читал сочинений Аристотеля целиком и, по-видимому, пользовался компендиями цитат из Аристотеля или цитировал Аристотеля по ссылкам в сочинениях других схоластов. В то же время, экхартовское понятие интеллекта, которое он переводил в своих немецких работах как *geist* (перевод, имевший важные последствия в истории немецкой философии) и которое является центральным и в латинских, и в немецких сочине-

ниях Экхарта, целиком и полностью базировалось на лексиконе аристотелевской философии. В связи с этим, неизбежным представляется вывод о том, что в целом было бы несправедливо недооценить важность философии Аристотеля в работах Экхарта.

Данила Константинович Маслов (Москва)

«Это обозначает то, следовательно, это есть то»

в английских комментариях к «Метафизике» Аристотеля

Странная «цитата» из Аристотеля в *Quaestiones in libros Perihermeneias* Дунса Скота — “hoc est hoc, quia hoc significat hoc” — не встречается ни в латинских переводах Аристотеля, ни в латинских комментариях к «Метафизике», написанных (или переведенных) до 1283 г. Источник «цитаты» проясняется, если заглянуть в неопубликованные «Вопросы» к аристотелевской «Метафизике» Иоанна из Динсдейла (ок. 1283 г., MS Durham, Durham Cathedral Libr. C.IV.20), Гвильельма из Бонкисов (ок. 1292 г., MS Cambridge, Gonville and Caius Coll., 344 / 540), а также двух английских анонимов 1290-х гг. (*Anonymus Oriensis* — MS Oxford, Oriel Coll., 33, and *Anonymus Domi Petri* — MS Cambridge, Peterhouse, 192). Все эти авторы посвящают отдельный вопрос озадачивающей *consequentia* “hoc significat hoc, ergo, hoc est hoc”, а также ее вариантам.

Виталий Львович Иванов (Санкт-Петербург)

**О тождестве и различии. К истории двух метафизических понятий
в аристотелевско-схоластической философии**

В *Met.* IV 2, Аристотель утверждает, что тождественное и различное должны познаваться в первой науке о сущем и его собственных свойствах. Основываясь на этом утверждении, а также на классическом месте *Met.* X 3 (1054b 15–19): «всякое сущее, сопоставленное со всяким сущим, является тождественным или различным», перипатетическая схоластика разработала подробное учение о тождестве и различии, их соотношении с другими трансцендентальными свойствами, а также о видах, признаках и порядке между разными видами тождеств и дистинкций. Как следствие, Дунс Скот ввел особое «формальное различие», применив его в рамках теологии для истолкования конституции Лица Троицы и понимания отличия атрибутов от божественной сущности. Это, с одной стороны, привело к возникновению особого жанра трактатов «О различиях» (или «О формальностях»), а с другой стороны, вызвало к жизни спор между скотистами и томистами о возможности третьего различия, помимо реального и чисто рационального. В докладе будет очерчено место этих понятий в перипатетической метафизике, а также показано значение спора о дистинкциях для экспликации реальности и объективности как двух принципиальных тем позднесхоластической метафизики и эпистемологии.

Наталья Валерьевна МАЛИНИНА (Москва)

Альберт Великий в традиции комментирования «Физики» (IV 1-5)

Работа посвящена исследованию трактата Альберта Великого «О месте» (*De loco*). Кратко освещается традиция комментирования аристотелевской физики места, которая находит отражение в данном трактате. При его рассмотрении особое внимание уделено проблемным вопросам, возникающим из текста Аристотеля (*Phys.* IV 1-5) и методу решения данных вопросов, представленному у Альберта. Помимо природы места и локальности интеллигенций, рассмотрен вопрос о локальном движении первой сферы и о том, каким образом она находится в месте. Также важным является вопрос о собственном месте элементов. Сделан вывод о преимущественно космологическом аспекте данного трактата и о его значении для средневекового естествознания. Для более полного раскрытия важности категории места кратко освещаются иные варианты использования данной категории в работах Альберта.

Андрей Андреевич СОЧИЛИН (Москва)

Схоластическая концепция моральности (“*moralitas*”)

человеческого действия: аристотелевские корни понятия «мораль»

В докладе демонстрируется, что термин «*moralitas*», возникший в XIII веке и ставший предтечей современного философского понятия «мораль», появился в результате рецепции этики и моральной психологии Аристотеля схоластической мыслью. У Фомы Аквинского «*moralitas*» появляется как имя качества от термина “*actus morales*” («моральные действия») (*Summa Theologiae* I^a–II^{ae} q. 18), который обозначал человеческие действия — насколько последние являются рациональными и добровольными. Подробную разработку этот термин получил на рубеже XVI и XVII вв. в трактате Франсиско Суареса “*De bonitate et malitia humanorum actuum*” («О благе и зле человеческих действий»). В докладе будут эксплицированы пути развития аристотелевской концепции в схоластической аналитике человеческих поступков в том виде, в котором последняя сложилась к XVII веку и была воспринята новоевропейской философией.

Инна КУПРЕЕВА (Эдинбург, Великобритания)

Alexander of Aphrodisias on Intellect

Alexander of Aphrodisias was head of Peripatetic school at Athens in the late 2nd century CE. He is famous for his excellent commentaries on Aristotle which earned him the title of ‘the Commentator’ in later antiquity. In this paper I am discussing Alexander’s interpretation of Aristotle’s concept of ‘active intellect’ in *De anima* 3.5, which is said to be responsible for the process of human thought. There has been a lasting disagreement over the meaning of Aristotle’s ‘active intellect’: is this the activity of human mind or rather an altogether different, higher principle, perhaps the divine intellect as the first unmoved mover of the *Metaphysics Lambda*? In the texts of Alexander and his school we find several different versions of the latter thesis, all of which contribute to a new controversy among the *De anima* commentators of later antiquity concerning the exact way in which the divine principle can interfere with the activity of human thinking. I agree with P.L. Donini that the explanatory function of the divine intellect in Alexander’s account is teleological and has to do with the role of divine intellect as the end (τέλος) with respect to the operation of human intellect. I would like to explore the distinction Alexander draws between the two aspects of the end for the human intellect which the divine mind represents: the first might be called a ‘natural’ end and the second a ‘normative’ end. I will argue that it is only in the latter respect, i.e. in respect of the normative epistemic end, that Alexander wishes to establish the identity between the human and the divine intellect. This reconstruction of Alexander’s argument is supposed to show how his interpretation of active intellect as divine is compatible with the overall hylomorphism of his psychology in general and with its construal as rejecting the personal immortality in particular.

Паоло БАДАЛЮТТИ (Удине, Италия)

Aspects of Simplicius’ Commentary on Aristotle’s *De caelo*

This work of Simplicius gives us the most detailed account of the history of interpretations on the *De caelo*, making reference chiefly on Alexander of Aphrodisias and relying on several other works — most of them lost. It presents the account of many centuries of exegetic work on several, and sometimes contrasting, cosmological theories. The aim of this paper is to highlight the importance of this commentary — giving some examples of Simplicius’ methodology while discussing the theories presented by Aristotle in his treatise — and to draw attention on the existence of a “commentaries’ literature”, in which Aristotelian philosophical texts are approached and discussed using different methodologies.

Валерий Валентинович ПЕТРОВ (Москва)

The Teaching on Growth and Growing in the Aristotelian Tradition and Christian Eschatology*

In my paper I will discuss the problem of the identity of a changing living body that puzzled the Greek philosophers. Leaving aside (but not completely forgetting) Epicharmus' paradox and the "growing argument" of the Sophists, I will focus on the reasoning concerning the growth and growing formulated by Aristotle. In the *De generatione et corruptione* Aristotle wondered what it was in the growing thing that was preserved and persisted throughout changes. He decided that this must be a certain *eidos* as a kind of power immersed in matter, which he compared with an elastic pipe imposing a form on the matter flowing through it. I am going to observe various transformations of this theory in the writings of Alexander of Aphrodisias, John Philoponus, and Simplicius. Besides I will show that such Christian thinkers as Origen and Methodius of Olympus knew arguments of Alexander on growth and growing and used them in their treatises.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-18-30005.

Элиза КУТТИНИ (Падюя, Италия)

Ethics within the Framework of Venetian Aristotelianism:

Francesco Piccolomini and Sebastiano Venier

Francesco Piccolomini was an esteemed professor of Natural Philosophy at the University of Padua. He also widely dealt with ethical issues, and wrote the *Universa Philosophia the Moribus* (1583, 1594²), which was well known throughout Europe and is considered by scholars as one of the most important ethical treatises of the Italian Renaissance. My research aims to show that Piccolomini retraced the idea of the unity of practical philosophy supported by Aristotle, for whom the ethical virtues find their highest application in the political context, and the righteous man can achieve his fulfillment employing himself in improving the society.

This element was also characteristic of the Venetian patrician Sebastiano Venier, who attended Piccolomini's private lessons to prepare for a political career. In the *De Nobilitate libri quatuor* (1594), he asserted that all men, especially if they are of noble descent, can achieve true nobility by striving to acquire virtues, in order to contribute to collective well-being. Therefore, my work highlights the persistence of Aristotelian tradition of ethics in the second half of the sixteenth century, and it also contributes to the understanding of the bond between man and society in the Venetian Republic.

Йозеф МАТУЛА (Оломоуц, Чешская республика)

Cardinal Bessarion on Aristotle's Philosophy

In my presentation I will focus on Cardinal Bessarion's (ca. 1403–1472) reading of Aristotle's philosophy and his comparison of Plato and Aristotle (*In Calumniatorem*

Platonis, published in 1469). Bessarion is a defender of Plato's philosophy among Byzantine *emigrés* in the 15th century and at the same time one of the most important translators of Aristotle's *Metaphysics* into Latin (published in 1515). Bessarion's attention to translations of Aristotle was related to his general interest in understanding how to render Aristotelian terminology into *Latinitas*. Bessarion's attempt to reconcile the views of Plato and Aristotle is a great testimony of similar projects by Simplicius in Greek and Boethius in Latin. Bessarion took part in the disputation aimed to find out who of the two Greek philosophers is to be preferred, and his strategy was to demonstrate that the divergences lied mostly in words, not in doctrines. He turned to some medieval thinkers in an attempt to bring Plato and Aristotle together in a Neoplatonic synthesis. For this purpose, I will discuss Bessarion's admiration of Aristotle legitimized by the scholastic philosophical tradition (Averroes, Albert the Great, Thomas Aquinas). I will examine Bessarion's strategy to harmonize and compare Plato and Aristotle on two issues: theory of soul and political philosophy.

Эмануэле МАРИАНИ (Лиссабон, Португалия)

Zurück zu Aristoteles: Trendelenburg and the Aristoteles-Renaissance in the 19th Century Germany

L'*Aristoteles-Renaissance* dans l'Allemagne du 19e siècle a sans doute constitué la condition qui a historiquement rendu possible le "retours à Aristote" proclamé de manière composite à travers le paysage philosophique du siècle dernier. L'impulsion décisive fut donnée par l'Académie de Sciences de Berlin, avec l'édition intégrale du *corpus aristotelicum* connue couramment sous le nom d' "édition Bekker". L'une des figures les plus remarquables de cette *Renaissance* fut assurément Adolf Trendelenburg, philologue et philosophe, engagé dans le débat de l'époque sur la doctrine aristotélicienne des catégories. Visant à démontrer l'ordre sous-jacent au nombre des catégories aristotélésiennes, la stratégie de Trendelenburg consista à suivre les rapports grammaticaux entre les différentes parties de la proposition. Il ambitionnait ainsi à démontrer qu'Aristote était un penseur systématique et que la déduction des catégories avait une finalité éminemment ontologique: rétablir le point de contact entre la pensée, le langage et l'être. Au-delà des impasses de l'idéalisme allemand, c'était donc le lien entre la logique et la métaphysique qui occupait le centre de l'enquête. Voici alors l'objectif de notre communication: revenir à l'Aristote redécouvert à l'orée de la contemporanéité par le biais du projet philosophique de Trendelenburg, contre une lecture trop hâtive qui confine généralement son originalité soit au caractère prétendument improductif de la grammaire spéculative élaborée dans l'*Aristoteles Kategorienlehre* de 1846 soit à l'ombre de sa postérité accrue par l'importance écrasante de ses épigones, de Brentano jusqu'à Heidegger.

СЕКЦИЯ 9

АРИСТОТЕЛЬ

В ФИЛОСОФСКОЙ И НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Виктория Георгиевна ЛЫСЕНКО (Москва)

Возможности сравнения систем категорий Аристотеля и Прашастапады

Можно ли назвать пада́ртхи (буквально «значение слова») индийского философа VI в. н.э. Прашастапады «категориями» в том же самом смысле, в каком мы говорим о категориях Аристотеля? В докладе обсуждаются методологические обоснования подобного сопоставления. Автор выделяет два факта, которые делают возможной саму постановку такой проблемы, независимо от положительного или отрицательного ответа на поставленный вопрос: (а) принадлежность греческой (и в целом западной) и индийской культур к индо-европейской лингвистической семье, которая означает типологически сходную структуру языка; (б) приспособленность санскрита к выражению философских идей, которые также формулируются и на древнегреческом языке. Сравнение Аристотеля и Прашастапады автор начинает с выявления некоторых базовых бросающихся в глаза параллелей между посылками, лежащими в основании их систем категорий. Первое, это принцип корреспонденции — соответствие языка и реальности, который они оба разделяли, второе — это признание договорной природы значений слов, третье — у обоих первым номером в списке следуют сходные понятия — усия и дравья (которые и том и в другом случае можно перевести термином «субстанция») и наблюдается явный перевес категории субстанции над остальными — и в той и в другой системе они лежат в основе некоторых других категорий, являясь их субстратами. Далее автор рассматривает категории Прашастапады с точки зрения принципов категориальной системы Аристотеля и, наоборот, осуществляет анализ категорий Аристотеля в свете философских принципов Прашастапады.

Дмитрий Алексеевич БАЛАЛЫКИН (Москва),

Наталья Петровна ШОК (Москва)

**Значение работ Аристотеля для развития
древнегреческой рациональной медицины***

Влияние различных натурфилософских школ на развитие тех или иных конкретных дисциплин является существенным вопросом методологии общей истории науки. Величие Аристотеля состоит в том, что он увидел логику сходства анатомического строения живых существ и с помощью созданной им впервые в истории зоологической систематики доказал ее полезность для медицины на огромном эмпирическом материале. Его методология дала значительный импульс

развитию экспериментальных методов исследования необходимых для создания и объяснения общей патологии в медицине. В своей медицинской и биологической теории Аристотель исключает некоторые ключевые элементы системы Платона (например, его отказ от доктрины Платона о бессмертии высшей, разумной части души, расположенной в головном мозге, и как следствие спекулятивное наделение сердца функцией источника нервов) и иным путем приходит к пониманию приоритетного характера телеологического принципа. Основным в объяснении Аристотелем телеологического принципа становится идея движения материи и ее видов. Всю совокупность явлений общей патологии можно осмыслить только при понимании многовариантности, заложенной в возможностях организма, и при системном обобщении обилия эмпирических явлений, ее раскрывающих. При этом мы должны четко соотносить возможность объяснения эмпирических наблюдений с понятийным аппаратом, во избежание неверных умозаключений относительно анатомо-физиологического устройства организма.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15–18–30005.

Павел Семёнович Гуревич (Москва) **Антропологическое учение Аристотеля**

Предполагается дать критический анализ уже сложившихся представлений об антропологическом учении Аристотеля. Ученик В. Дильтея Б. Грейтхойзен и М. Бубер утверждали, что проблема человека у Аристотеля перестаёт быть проблематичной. Человек всегда говорит о себе в третьем лице, рассматривает себя лишь как некий «случай» и предстаёт своему самосознанию как «он», а не «Я». По этой причине остаётся нераскрытым и особое место человека во вселенной. Человек мыслится лишь в мире, мир же не мыслится в нём. У Аристотеля видимый образ вселенной достигает небывалой актуализации как мир вещей. В психологическом учении Аристотеля разработана общая теория животной души, концепция психических процессов, общих для животных и для человека, хотя у последнего она развита гораздо полнее. Философ представил также учение об уме как о способности, которая возвышает человека над природным царством. По мнению Аристотеля, человек — такое существо, которое изначально, по самой своей природе предназначено для общественной жизни. Естественная форма общежития — государство. Этическая добродетель человека может развиваться только в государственной жизни. Государство же — совершенная форма, потому что оно возникло из потребностей пользы, является средством осуществления личного блага для действующего человека.

Татьяна Александровна Горюнова (Киров) **О свойствах языка и сущего во взглядах Аристотеля**

В докладе показано, что Аристотель обосновывает свойства сущего, опираясь на свойства языка. Здесь речь идёт об особом рассмотрении как сущего,

так и языка, которое позволяет апеллировать к языку, чтобы описывать сущее как таковое. Понимание Аристотелем сущего как наличной совокупности единичных вещей-сущностей находится в связи с его пониманием языка как системы высказываний-предложений. Особенность понимания сущего античным мыслителем состоит в отождествлении бытия с налично существующим — совокупностью вещей, явлений, которые выступают самостоятельными сущностями, находящимися в различных отношениях между собой и обладающими различными свойствами или предикатами. Поэтому и язык должен выражать наличие или отсутствие у этих вещей-сущностей определённых свойств или предикатов. Это означает, что при описании языка у Аристотеля центр тяжести смещен с имен на предложения, которые как раз и утверждают или отрицают наличие или отсутствие у вещей определённых свойств. Имена признаются Аристотелем лишь условными обозначениями вещей, а сам язык представлен как универсальная знаковая система, несущая предметно-логическое содержание. В дальнейшем это приводит к новоевропейской тенденции опредмечивания сущего, где происходит разрыв онтологической связи между словом и вещью.

Елена Николаевна ШУЛЬГА (Москва)
Аристотелевская герменевтика

Переводчики и комментаторы трактата Аристотеля «Об истолковании» часто ссылаются на него как на аристотелевскую «герменевтику» (см., например: *H. Flasher. Aristoteles // Ueberweg-Praechter. Grundriss der Geschichte der Philosophie: Die Philosophie der Antike*, 3, Basel-Stuttgart: Schwabe, 1983. S. 203, 237), невзирая на то, что он не отражает в полной мере смысл самого понимания «интерпретации». Поэтому особого внимания заслуживает метод истолкования сновидений, который мы находим в его работе «О предсказаниях во сне». Вслед за Платоном, Аристотель был уверен в том, что во время сна душа человека может пользоваться пророческим даром и способностью получать высшее знание. Рассуждая об образах сновидений и пытаясь объяснить их смысл и постичь их природу, Аристотель сравнивает образы сновидений с формами, которые мы видим отраженными в воде. В целом, особенность метода истолкования сновидений, которая как раз и позволяет говорить об аристотелевской герменевтике; становится явной при сравнении с другими видами истолкований, характерными для античности.

Роман Сергеевич ПЛАТОНОВ (Москва)
Общение (*óμιλία*) в этике Аристотеля

В докладе ставится задача показать, что, по Аристотелю, развитие человека осуществляется посредством общения, этика при этом является и наукой о правильном общении, и практикой — самым правильным общением. Общение характеризует специфически человеческий переход из потенциально сущего в действительно сущее. Оно представляет собой исторически нарастающий процесс, формы которого (семья, селение, полис) образуют человека и одновремен-

но образуются им. Как следствие, сам человек определяется через этот процесс: знаменитые слова Аристотеля «человек — общественное существо» говорят о том, что полноценно реализовать свою природу каждый конкретный человек может только в исторически развернутом общении (в полисе). Особенно важно, что столь сложное общение не сводимо к рациональным или исключительно вербальным процедурам. Понимание развития человека оказывается невозможным без рассмотрения иррациональной составляющей его природы, которая выражается Аристотелем в понятии «этос» / «нрав». Перед этикой ставится задача гармонично соединить рациональное и иррациональное в человеке.

Егор Михайлович МАХАРОВ (Якутск)

Аристотель о сущности человека

Аристотель подходит к вопросу о сущности человека через указание особенностей человека как объекта бытия, а также его отличительных черт от представителей животного мира. Отталкиваясь от общих диалектических принципов, выдвинутых в «Метафизике», человек рассматривается как цельное существо, чьи тело и душа находятся в единстве и неделимы. В отличие от Платона, Аристотель не рассматривал идею как оторванную от тела самостоятельную субстанцию или как некий объект, предшествующий реальным существованиям объектов. По Аристотелю, телесное и душевное в человеке не существуют одно без другого. В трактате «О душе» Аристотеля даётся самое широкое понимание понятия души, различные виды которой, как он считал, существуют в природе: «растительная способность, способности стремления, ощущения, пространственного движения, размышления». При этом, отмечает Аристотель, «одним существам они присущи все, другим — некоторые из них, иным — только одна», а человек отличается тем, что он обладает всеми этими видами одновременно.

Анна Юрьевна СЕРЁГИНА (Москва)

Английские католики и меланхолия:

от аристотелевской традиции к социальным практикам XVI века*

В докладе рассматривается воздействие аристотелевского толкования меланхолии на религиозную культуру Европы, и Англии в частности, в эпоху Реформации. Обычно исследователи истории культуры, религии и психологии связывали аристотелевскую традицию с пуританской культурой, в которой меланхолия тесно связана с религиозной жизнью. В докладе речь пойдет о другой конфессиональной группе, обделенной вниманием историков, а именно, об английских иезуитах. Будут рассмотрены идеи меланхолии, представленные в текстах английских иезуитов (Роберта Парсонса и Томаса Фицджерберта), а также их влияние на пастырскую практику иезуитов в Англии XVI в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-18-30005.

СЕКЦИЯ 10

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ЭТИКА

Рубен Грантович АПРЕСЯН (Москва) **Проблема взаимности в этике Аристотеля**

Аристотель неоднократно затрагивает проблему взаимности (*antipeponthos*), главным образом в связи с проблемами обмена, наказания, возмещения. В этом смысле взаимность — один из моментов теории справедливости. Но проблема взаимности затрагивается также и в рассуждениях о дружбе, тем самым феномен взаимности проясняется в более широком контексте, в разнообразии его проявлений.

Полина Аслановна ГАДЖИКУРБАНОВА (Москва) **Понятие «смешанных действий» Аристотеля** **в контексте современных этических дискуссий**

Доклад посвящен анализу понятия «смешанных действий» (μικτὰ πράξεις) в этических сочинениях Аристотеля. Вопросы, связанные с интерпретацией этих сравнительно небольших фрагментов, имеют существенное значение не только в контексте исследований этики Аристотеля, но и в контексте современных этических дискуссий. В частности, в докладе представлен анализ академической дискуссии о том, можно ли причислить Аристотеля к сторонникам так называемой теории «грязных рук» (*dirty hands*) (Майкл Стокер, Марта Нуссбаум, Карен Нильсен и др.). Аристотель утверждает, что нечто постыдное (αἰσχρὸν) или причиняющее страдание может быть похвальным, когда его терпят во имя великого и прекрасного. Основное противостояние в этом споре разворачивается вокруг вопроса, как интерпретировать понятие постыдного действия и значит ли это, как утверждает Стокер, что Аристотель допускает ситуации, в которых то, что следует совершить, тем не менее, является неправильным и даже «безнравственным».

Ольга Прокофьевна ЗУБЕЦ (Москва) **Μεγαλόψυχος Аристотеля и понятие морального субъекта**

В образе Величавого (Μεγαλόψυχος) (EN 1123a 35 – 1125a 35) Аристотель не просто описывает одну из десяти нравственных добродетелей, но отвечает на актуальный и для античности, и для моральной философии как таковой вопрос о бытии самим собой, которое возможно в качестве начала, ἀρχή поступка (действия и речи), в самодостаточности поступающего и поступка. Великое, которого

Величавый считает себя достойным, будучи его достойным, заложено в решимости поступать самому, в превосходстве активного начала, то есть в избрании божественного в себе. Идея морального как первенства в поступке раскрывается в рассуждении о значимости собственного благодеяния и недопущении (забывании) благодеяния другого в отношении себя, таким образом, о принципиальной асимметрии, не-взаимности, лежащей в основе морали; в утверждении ценностного различия между совершающим благодеяние (ποιῶσιν εἶ) и пре-терпевающим его (πάθωσιν οὔ), превосходящим (τὸ μὲν γὰρ ὑπερέχοντος) и пре-восходимым (τὸ δ' ὑπερεχόμενον), между дружащим (ἢ μὲν φίλῃσις ποιῆσει ἔοικεν) и дружимым (τὸ φιλεῖσθαι δὲ τῷ πάσχειν), активным и пассивным; в определении Величавого как презиравшего все, что препятствует предпочтению «жизни не самого себя, а чего-то иного в себе». Понимание того, что бытие са-мого себя как начала поступка включает и бытие другого как собственное, по-зволяет развернуть все моральное пространство из субъектного бытия, из дей-ствительности человека в поступке.

Мария Анатольевна СОЛОПОВА (Москва)

**Разум и его добродетели: к толкованию термина γνῶμη
в шестой книге «Никомаховой этики» Аристотеля**

В докладе обсуждается постановка вопроса о мыслительных добродетелях в шестой книге «Никомаховой этики» Аристотеля; разделение души на разум-ную и неразумную, и дальнейшее разделение разумной души на созерцающую и рассуждающую. Ставится вопрос о количестве мыслительных добродетелей: сколько добродетелей называет Аристотель? Две главные мыслительные добродетели: мудрость и рассудительность — добродетели, ассоциированные с рассу-дительностью: «здравомыслие», «соображение», «понимание»-*гнома*, «изобре-тательность». *Eth. Nic.* VI 11: понимание как добродетель мудрого судьи. Обсуждается, можно ли перевести термин γνῶμη как «совесть».

Валерий Лукьянович ПАВЛОВ (Киев, Украина)

**О специфике аргументации положений и выводов
в «Евдемовой этике» Аристотеля**

В докладе исследуются логические особенности аргументации Аристоте-лем своих взглядов относительно вопросов и проблем, рассматриваемых в «Ев-демовой этике». Дается общая характеристика особенностей философского по-иска мыслителя, а также анализ используемых им основных логических приемов. Показана специфика применения философом таких приемов как дефиниция понятий на основе соотношения (сопоставления) их содержания; поиск истины путем аналогии, а также логический анализ апорий; следование читателя за логикой размышления автора; использование примеров с целью усиления доказательной базы и др. Детально исследуются доказательства, выстроенные на основе принципа середины и принципа пропорции. Обращено внимание на мно-гочисленные ситуации прерывания автором логики изложения мысли и перехо-

да к рассуждениям на иную тему, а также возврата к вопросам, которые были уже исследованы. Указывается на противоречия содержательного и логического характера, имеющие место в «Евдемовой этике».

Алия Шарабековна АЛИМЖАНОВА (Алма-Ата, Казахстан)
Компаративистский анализ этики Аристотеля и аль-Фараби

В докладе с переосмысленных этических позиций рассматриваются онтологические и гносеологические основания рациональности в учениях о нравственности Аристотеля и аль-Фараби, актуализируется исторический контекст философско-этического дискурса античности и исламского Ренессанса, подчеркивается его актуальность в культуре настоящего времени. Аристотель и аль-Фараби проводили грань между моральной и утилитарной деятельностью. Однако то, что объединяет как «добро», так и «пользу», это положительные социальные ценности. Если добро преимущественно связано с целями человека, то польза — это характеристика средств, годных для достижения заданной цели. В последующей истории мировой этической мысли можно наблюдать фокусирование либо на естественной природе человека, либо на ином начале — разумном, рациональном творении нравственных норм.

Андрей Владимирович СЕРЁГИН (Москва)
Счастье и неморальные ценности в этике Аристотеля

В докладе рассматривается вопрос о том, какое значение неморальное (телесное и внешнее) благо и зло имеет для счастья и несчастья в рамках аристотелевской этики. Существует два базовых подхода к этой проблеме, которые я буду обозначать терминами «инклюзивизм» и «инструментализм». С инклюзивистской точки зрения, неморальные блага являются *частями* счастья (наряду с моральными благами, т.е. добродетелями) и тем самым, по-видимому, влияют на него как таковые и сами по себе. Инструментализм же предполагает, что счастье заключается в добродетельной деятельности души, а неморальные блага способствуют ему лишь в качестве *орудий* и *ресурсов* для этой деятельности и потому имеют лишь инструментальную ценность. В сочинениях Аристотеля можно найти свидетельства в пользу и той, и другой позиции, но я попытаюсь показать, что инструменталистская интерпретация аристотелевской этики в целом предпочтительнее.

Стивен Рид (Сент-Андрус, Великобритания)
Aristotle's Theory of the Assertoric Syllogism

Although the theory of the assertoric syllogism was Aristotle's great invention, one which dominated logical theory for the succeeding two millennia, accounts of the syllogism evolved and changed over that time. Indeed, in the twentieth century, doctrines were attributed to Aristotle which lost sight of what Aristotle intended. One of these was the very form of the syllogism: that a syllogism consists of three propositions containing three terms arranged in four figures. Rather, what Aristotle was interested in was what pairs of (assertoric subject-predicate) propositions yield a conclusion of the same sort. Yet another was that a syllogism is a conditional proposition deduced from a set of axioms. Rather, Aristotle's focus was on logical consequence, not logical truths. There is even unclarity about what the basis of syllogistic validity consists in. Returning to Aristotle's text we find a coherent and precise theory which shows all these claims to be based on a misunderstanding and misreading.

Родриго ГУЭРЗОЛИ (Рио-де-Жанейро, Бразилия)
The Reception of the Aristotelian Theory of Definition in the 14th Century.
The Case of John Buridan's Commentary on the "Topics"

In my presentation I would like to address some important issues related to the reception of the Aristotelian theory of definition among Latin authors of the 14th century. I will focus namely on two aspects of that reception found in John Buridan's (c. 1295–1361) commentary on the "Topics". First, I will explore Buridan's answer to the question whether there can be more than one definition of the same thing. This is a question whose relevance is linked to the fact that Aristotle seems to answer it differently in the "Topics" and in the "Posterior Analytics", or in the "Metaphysics". Secondly, I will analyze the interpretation Buridan proposes of Aristotle's key-claim that the definition is an expression which indicates what a thing is. Through the investigation of these aspects of the reception of Aristotle's theory of definition in the 14th century I hope to contribute to the better understanding of the salient features and of the ingenuity of the late-medieval Aristotelian tradition.

Анастасия Олеговна КОПЫЛОВА (Москва)
“Significatio” in the Buridan’s and Burley’s Semantics

In this presentation the notion of “significatio” in Buridan’s and Burley’s logic will be examined. Although, it was the common notion for almost all logicians after Boethius (after the translation of “De Interpretatione”), its role and connection with the term “suppositio” in Terminist logic were considered in different ways. The aim of this paper is to compare the Burley’s and Buridan’s theories of signification and the influence of these differences on their semantics.

Фабыен ШАНГ (Москва)
From Aristotle’s Oppositions to Aristotelian Oppositions

My goal is to show that Aristotle’s philosophy of logic was deeply marked by a number of conceptual oppositions. While not being restricted to a specific research area (physics, biology, politics, logic, metaphysics), I want to argue that the dialectical tension between *power* and *act* paradoxically influenced the propedeutic discipline of logic (the science of sciences) and led to Aristotle’s famous theory of logical oppositions. To illustrate such a central tension within Aristotle’s discourse (whether it be exoteric or esoteric is not the point hereby), I make my point in three steps:

- a number of “epistemological obstacles” led to the well-known “square of logical relations” (problem);
- Aristotle’s logic could be reviewed by focusing on these obstacles (consequence);
- the basic tension between form (*eidōs*) and matter (*upokeimenon*) may be solved by a constructive reading of substance (*ousia*) (solution).

Жозе Вериссимо ТЕЙШЕЙРА-ДА-МАТА (Бразилия, Бразилия)
Are Frege and Aristotle Speaking on Different Things
Concerning the Fondation of Logic?

We can say that our logic is much more powerful than the logic of Aristotle, like Quine, when he says that our logic, or the set of our logics contains, as a subset, Aristotle’s logic. Considering, grosso modo, the set of modern logics, and the aristotelian logic, we realize that each has its own fondation. The question that I will treat here is how Aristotle’s fondation of logic remains today. I will try to show that this fondation answers the same questions that Frege’s fondation of logic can answer. I will try to answer what would be the strongest objection to this position.

Александр Владимирович МАРЕЙ (Москва)

О душе народной и трех ее ипостасях: рецепция трактата Аристотеля «О душе» в политической теории средневековой Кастилии

Когда говорят о рецепции политической философии Аристотеля в средневековом праве, политической и богословской мысли, вспоминают, как правило, его «Политику» и, чуть реже, — «Этику». Однако бывали и другие случаи. Так, история средневековой Кастилии сохранила прекрасный пример рецепции трактата «О душе» в политической теории. Согласно кастильским юристам второй половины XIII века, народ представляет собой единое политическое тело, обладающее своей душой. Первый ее уровень — *растительную душу* — составляет сама земля того королевства, где живет народ; *ощущающую* душу воплощает собой король, и, наконец, *разумную* — Бог. Основываясь на этой метафоре, кастильские легисты разрабатывают детальную концепцию взаимоотношений народа с королем и Богом, делая, тем самым, народ основным актором политической теории. В докладе планируется подробно осветить эту теорию, проанализировать ее источники и генезис, показать возможные формы дальнейшей рецепции ее положений.

Наталья Петровна КОПЦЕВА (Красноярск)

**Аристотель: «Истину следует предпочесть»
(*Eth. Nicom.* 1096a 16-17)**

Известные слова Аристотеля «Платон мне друг, но истину следует предпочесть» относятся и к самой истине, концепция которой в философии Аристотеля по сути отличается от концепции Платона. Содержание этой концепции раскрывается в трактате «Метафизика». Основная посылка концепции истины Аристотеля — диалектика единого и многого — является динамичной силой философствования Аристотеля так же, как и Платона, но содержательные представления о ней двух «учителей человечества» (Гегель) кардинально различны. Аристотель переводит проблему единого и многого в плоскость проблемы возможного и действительного бытия, что позволяет ему ликвидировать разрыв между смысловой (эйдетической) и материальной областями бытия. В мыслящем субъекте находит Аристотель совпадение бытия и мышления, и из их изначального и деятельного тождества выводит содержание истины, связывая ее с сущим: «в самом основном смысле сущее — это истинное и ложное». Аристотель выводит истину за пределы бытия вещей и переводит ее в область мышления о вещах. Мышле-

ние связывает и развязывает элементы структуры, составляющей вещи. Если эта связь и это разъединение существуют, то действие мышления будет истиной, если они отсутствуют — то ложной. Философия истины Платона и философия истины Аристотеля антиномичны и воспроизводятся в истории европейской философии как онтологическая и гносеологическая концепции истины.

Илья Алексеевич Ерохов (Москва)

**Политическая мысль Аристотеля: между метеком и философом
(история философии vs история политической мысли)**

Предметом доклада является проблема изложения философии Аристотеля в курсе истории политической мысли. Среди обсуждаемых тем: осмысление полисного гражданского состояния в призме идеологического метода; парадокс истории политической мысли: философы против демократии, но демократия за философию. Рассматривается “новое прочтение Аристотеля” — смещение акцента интерпретации в сторону социальных корней политических интересов. Анализируется универсальная целесообразность и коммунитаризм аристотелевского этического критерия гражданского блага и политический порядок как результат идеологической аналитики истории демократии в Афинах. Главная апория «политической онтологии» Аристотеля — полис как предельная таксономическая единица политических построений на фоне эллинистической империи Александра Великого.

Александр Николаевич Мишулин (Москва)

**Проблема свободы, или Кто такие рабы
согласно первой книге «Политики»**

В докладе рассматривается аристотелевское понимание рабства. Эта проблема кажется сегодня практически исчерпанной, исчезнувшей или, по крайней мере, второстепенной. Однако ее антипод — проблема свободы человека сегодня является такой же актуальной, как и две тысячи лет назад. Эталон свободы личностной и политической всегда помещался в античные Афины. Однако описать его не институционально практически невозможно: будучи помещенными свободу и онтологически свободными, античные философы не раскрывали ее сущности. Но они касались ее дихотомической противоположности — рабства. Из трех основных политических философов Греции лишь Аристотель уделил данному вопросу достойное внимание (хотя интерес его и не может полагаться чисто философским). Считается, что Аристотель поддерживает — лишь слегка изменяя — общепринятые представления о рабстве. Однако в первой книге «Политики», которая посвящена обсуждению данной проблемы, Аристотель последовательно выдвигает и отвергает шесть общих представлений о сущности рабства, которые обсуждаются в докладе.

Ольга Владимировна ОКУНЕВА (Москва)

**Аристотель и формирование представлений о коренных народах
Нового Света у европейских авторов XVI века***

Доклад посвящен формированию представлений об индейских народах Южной Америки в Европе после начала испанской Конкисты и более активной колонизации португальцами своих американских владений. Встреча двух миров и последовавшее за ней насильственное изменение судеб коренного населения Нового Света поставили перед европейцами вопрос о теоретической оценке человеческой природы индейцев. В поисках ответов на этот вопрос европейские авторы активно прибегали к авторитету Аристотеля и рассматривали реалии Нового Света через призму суждений греческого философа о душе, о политическом устройстве человеческого сообщества, о врождённой способности / неспособности человека управлять собой и жить в полисе, а также о типах и видах варварства. В докладе будет рассмотрена подобная перцепция аристотелевской мысли на примере знаменитого диспута в Вальядолиде 1551 г. между Бартоломе де Лас Касасом и Хуаном де Сепульведой, и на примере взгляда на бразильских индейцев как на людей «без веры, закона и короля».

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 15–18–30005.

Татьяна Петровна МИНЧЕНКО (Томск)

**Идеи свободы и верховенства естественного права у Аристотеля
как определяющие элементы европейской рациональности**

На основе анализа «Никомаховой этики» Аристотеля исследуются истоки морального универсализма в европейской культуре. В отличие от платоновской концепции свободы как автаркии блага, Аристотель говорит о способности человека к свободному выбору посредством воли, что отличает его от всех других существ. Первым среди греческих философов, Аристотель сделал волю основой морали, считая, что, хотя мораль зависит от знания, однако, она коренится в доброй воле. Рассматривая этику в плане человеческой, а не божественной воли, он связывает понятие свободного выбора с ответственностью человека за свою судьбу и благополучие, что является одной из ключевых идей европейского менталитета. Показывается, как, согласно Аристотелю, естественный нравственный порядок должен обеспечить основу для действительно рациональных систем правосудия. Обосновывается связь идеи Аристотеля о том, что естественное право должно служить образцом для права условного (позитивного), с идеей верховенства естественного права над законами государства, являющейся основой современной европейской концепции прав человека.

Виктор Владимирович Линьков (Москва)
Концептуализация представлений об убеждении
в философии Аристотеля

Обосновывается положение о концептуальной целостности развитых Аристотелем представлений об убеждении. Показано, у Аристотеля имеется оригинальное понимание основ убеждения, способов проведения и возможностей практического использования убеждающей речи. Обсуждается введенное Аристотелем различие способов убеждения для разных родов риторических речей в связи с особенностями цели каждого рода речи. Определяется концептуальное значение осуществленной Аристотелем дифференциации способов убеждения в риторических и диалектических рассуждениях. Подтверждается, что концептуализация представлений об убеждении в учении Аристотеля имеет аналитическую направленность.

РЕЦЕПЦИЯ УЧЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Александр Афанасьевич САНЖЕНАКОВ (Новосибирск)
Проблема подлинности трактата «О добродетелях и пороках»

В докладе будет рассмотрена проблема аутентичности трактата «О добродетелях и пороках» (*De virtutibus et vitiis*, 1249a26–1251b37). Первые сомнения в его подлинности были высказаны еще в XVI в. Но доказательная база под эти сомнения была подведена только в XIX в. Э. Целлером и К. Шухардтом. С тех пор стало общим местом считать этот трактат псевдо-аристотелевским. Однако в последнее время наблюдаются попытки вернуть авторство Аристотелю. Уже в середине прошлого века появились работы, авторы которых высказывают сомнения в весомости аргументов в пользу неподлинности трактата. Совсем недавно была опубликована статья П. Симпсона, в которой он предпринял попытку доказать подлинность этого сочинения. С его точки зрения, содержание трактата может идти вразрез с воззрениями Аристотеля, поскольку «О добродетелях и пороках» является собранием *endoxa*, из которых Аристотель мог уже выстроить собственные умозаключения. Другим аргументом в пользу авторства Аристотеля является предполагаемая неявная ссылка на исследуемое сочинение в «Евдемовой этике» (*EE* 1220b10–13). В своем докладе я постараюсь опровергнуть доводы Симпсона и показать, что настоящее сочинение не могло быть написано Аристотелем.

Валерий Владимирович ВОРОБЬЕВ (Москва)
«Будущие случайности» Аристотеля
в комментариях ранневизантийских философов (Аммоний Гермий)*

В докладе анализируется комментарий александрийского неоплатоника Аммония Гермия (ок. 435/445 – 517/526 г.г.) к широко известному тексту Аристотеля — девятой главе трактата «Об истолковании». В этом компактном по объему, но чрезвычайно глубоком по содержанию тексте Аристотель поставил проблему фатализма и предложил определенные подходы к её решению. Со временем возникли разногласия по вопросу, какое же решение соответствует истинным взглядам Аристотеля. Сама традиция комментариев его сочинений зародилась еще в I в. до нашей эры, Аммоний её продолжает и развивает, а становящаяся христианская идеология вносит в эту традицию новые темы. Тексты Аммония не переведены на русский язык и слабо исследованы в нашей историко-логической литературе, хотя его взгляды представляют значительный интерес. Достаточно сказать, что под его сильным влиянием были такие известные

философы как Иоанн Филопон, Симпликий, Дамаский и другие. По некоторым сообщениям часть своих работ Аммоний издавал под именами учеников. Основное внимание будет уделено рассмотрению интерпретации аристотелевского «логического фатализма» в работе Аммония и оценке её новизны и соответствия философской традиции.

Исследование выполнено при содействии РГНФ, проект № 15–03–00138.

Надежда Павловна ВОЛКОВА (Москва)

Аристотель и Плотин об уме*

В докладе обсуждаются следующие темы: аристотелевская концепция ума в контексте его психологической теории; учение об общем чувстве (*κοινὴ αἴσθησις*) и представлении (*φαντασία*); учение о пассивном и активном уме. Рассматривается вопрос, где согласно Аристотелю находится предмет познания – в уме или вне него, и каким образом ум может познать себя? Обсуждаются мнения комментаторов Аристотеля (Теофраст, Александр Афродиссийский, Фемистий и др.) относительно проблемы ума в трактате Аристотеля «О душе». Анализируются суждения Плотина об уме. В этой связи рассматриваются «Эннеада» V 5 («О том, что умопостигаемое не вне ума, и о Благе») и проблема самопознания.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 15–18–30005.

Майя Станиславовна ПЕТРОВА (Москва)

Тексты атрибутируемые Аристотелю

в латинской литературной традиции IV–V веков*

В докладе на примере «Сатурналий» Макробия изучаются особенности рецепции естественнонаучных концепций Аристотеля в латинской литературной традиции Поздней Античности. Обсуждаются особенности использования Макробием текстов Аристотеля; выявляются текстуальные и содержательные параллели в их сочинениях; анализируется то, насколько точно Макробий следует концепциям Аристотеля и насколько тщательно их передает. Рассматриваются отсылки к схожим концепциям Аристотеля у Арнобия (*Adv. nat.* III, 33), Сервия (*In Georg.* I, 5, 5–6), Августина (*De civ. Dei* VII, 16) и Авла Геллия (*Noct. Att.* XIX, 2, 1–8). Делается вывод об опосредованном использовании Макробием текстов Аристотеля.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 15–18–30005.

Лариса Грачи́ковна Тоноян (Санкт-Петербург)
**Предпосылки учения Аристотеля о гипотетических силлогизмах
и развитие этого учения в Античности**

Создание теории силлогизма — одна из главнейших заслуг Аристотеля. Построив теорию простого категорического силлогизма, Аристотель успел также заложить предпосылки учения о сложных, гипотетических силлогизмах (см. «Первая Аналитика» (40a 20–41b 5; 45b 11–20; 50a 11–50b 2), «Топика» (112a 16–30; 113b 15–114a). Однако учения о сложных силлогизмах Аристотель не построил. Попытку разработать идеи Аристотеля сделали Теофраст и Евдем, но до нас дошли лишь фрагменты их работ. Одновременно стоики создали свою «гипотетическую силлогистику», которая, как считают историки логики, строится на связи между предложениями, в то время как силлогистика Аристотеля построена, прежде всего, на связи между терминами. В греческих комментариях на логические трактаты Аристотеля названному учению немалое внимание уделили Александр Афродизийский, Филопон, неоплатоники школы Аммония, Гален, Секст Эмпирик и др. Из латинских комментариев на логику Аристотеля особую ценность представляет дошедший до нас трактат Боэция «О гипотетических силлогизмах». При этом ни в греческих, ни в латинских комментариях силлогистика стоиков не противопоставляется силлогистике Аристотеля и перипатетиков. В докладе будет показано, как античные логики пытались воплотить замысел Аристотеля о создании единой теории силлогизма и каких результатов достигли.

Евгений Васильевич АФОНАСИН (Новосибирск)
Теофраст о первых началах*

Цицерон (*О природе богов* 1.13.35), Климент Александрийский (*Протретики* 5.58) и Прокл (*Комментарий к 'Тимею' Платона* 35А) примерно одинаковыми словами сообщают, что Теофраст (372–287 до н.э.) был склонен отождествлять бога и звездное небо («небеса одушевлены, а значит божественны»). И действительно, в обсуждаемом в докладе сочинении Теофраста о первой философии, приемник Аристотеля нередко высказывает идеи, не очень подходящие для ученика Стагирита. В частности, в ряде мест он настаивает на том, что космос — это живое и упорядоченное целое, а потому движение, присущее ему от природы, не следует пытаться объяснять при помощи различных телеологических конструкций и тем более постулировать независимый от него первый двигатель.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФН, проект № 15–18–30005.

Михаил Александрович МАЯЦКИЙ (Москва; Лозанна)
Роль Аристотеля в конституировании жанра
философского комментария

Аристотель выступил новатором не только в создании (или самоопределении) ряда научных дисциплин, но и в смысле жанровом: велико его участие в конституировании такого ключевого жанра освоения чужого философского текста, как комментарий. В докладе рассматриваются по меньшей мере две формы Аристотелева вклада (и влияния). Во-первых, он сам спорадически обращается к этому жанру (даже если его именование *первым* историком философии небесспорно). Во-вторых, Аристотелева «Поэтика» стала методологическим манифестом для александрийской школы — апофеоза не только античной текстологии и филологии, но и методологии научного комментария. Аристотель несомненно способствовал престижу становящегося жанра комментария. Осененный авторитетом Аристотеля жанр комментария на долгие века стал основным содержанием философствования и преподавания философии.

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИЖНОСТИ

Алексей Владимирович МУРАВЬЕВ (Москва)

Проблема влияния аристотелизма в восточно-христианской традиции

Проблематизация поля аристотелизма в восточно-христианской традиции спорится по двум векторам. Первый — аристотелевское vs. платоническое влияние в патристической традиции. Второй: неоаристотелизм в аскетико-философской византийской традиции (в основном после-иконоборческого времени). В первом смысле можно говорить о возрастании роли логики в патристическом аргументе (до “De dialectica” Дамаскина), а также в отказе от платонической парадигмы в вопросе о «первой природе» (каппадокийцы). Кроме того, аристотелевские тенденции стали проявляться в номиналистической трактовке общих понятий, что отчасти предопределило поворот в сторону аскетического, т.е. персоналистского, интроспективного истолкования христианства на Востоке в отличие от метафизического поворота на христианском Западе (в схоластике под влиянием арабской фальсафы). Попытки построить последовательную христианскую онтологию на Востоке продолжались до Нового Времени, но успешными они в целом не были. Аскетико-мистическую субъективную гносеологию пытались объективировать богословы-исихасты, пытавшиеся построить целостную онтологию и гносеологию на основе аристотелевского различения потенциального-актуального, сущности и энергии. Это был локальный прорыв, но в целом аристотелевская парадигма осталась для христианского Востока, скорее, проектом.

Марианна Михайловна ШАХНОВИЧ (Санкт-Петербург)

Аристотель в древнерусской «Пчеле»

В докладе излагаются результаты анализа корпуса изречений Аристотеля в древнерусской «Пчеле». Для сравнения использован текст древнерусской «Пчелы» древнейшего извода из 71 главы конца XIV – начала XV в. (РНБ. Фонд № 1, 44), опубликованный В. Семеновым в 1893 г.; текст «Пчелы» 1643 г., из рукописного сборника, Вологодского архиепископа Варлаама, хранящийся в Государственном музее истории религии; византийский флорилегий, приписываемый Максиму Исповеднику, а также сочинения Аристотеля. В византийском флорилегии тексты Аристотеля подверглись христианизующей обработке. Вырванные из контекста, перемешанные с сентенциями из Нового Завета, отцов и учителей церкви, с цитатами из других античных авторов, они, конечно, не могли создать подлинное представление о философии Аристотеля. Однако зна-

комство древнерусского читателя с отдельными положениями его учения, преимущественно этического содержания, произошло.

Татьяна Витаутасовна ЧУМАКОВА (Санкт-Петербург)
Историография изучения рецепции аристотелизма
в древнерусской культуре

Исследование влияния аристотелевской традиции на древнерусскую культуру начинается одновременно с началом изучения древнерусской мысли. Упоминания об Аристотеле содержатся уже в первых переводных сборниках, которые попали на Русь. Это были сборники естественно-научного содержания и сборники изречений, такие как “Melissa”, известный на Руси как «Пчела». С тех пор исследования российских и западных ученых идут в трех основных направлениях. Первое: выяснение знания древнерусскими читателями подлинных текстов Аристотеля, и того, на каких языках они могли читать эти тексты. Второе: влияние этих текстов на произведения древнерусских книжников. Третье: выявление знакомства древнерусских писателей с трудами последователей Аристотеля, знакомство с псевдо-аристотелевской традицией, и исследование влияния этих текстов на произведения древнерусских книжников. Четвертое: пути проникновения аристотелевских и псевдо-аристотелевских сочинений на Русь.

Марина Сергеевна КИСЕЛЕВА (Москва)
Риторическая традиция в проповедях Стефана Яворского.

В петровскую эпоху проповеди стали произносить не только в дни православных праздников, но и по случаю государственных торжеств – военных побед, строительства новой столицы Петербурга, перенесения празднования Нового года по новому календарю и т.п. В текстах Стефана Яворского богословское содержание проповеди соединялось с утверждением имперских амбиций России. Проповедь на русской почве стала текстом, где формировались не только нравственные, но и гражданские ценности. «Риторическая рука» Стефана Яворского (1705 г.) — ученый и педагогический трактат, выполненный, по замыслу автора, для инициирования на Москве появления «своих» Демосфена и Аристотеля, фигур так необходимых для эпохи преобразований и просвещения. Текст содержит набор правил и образцов для подготовки «слов», «речей» и проповедей; он жестко структурно организован и воспроизводит аристотелевскую традицию, при этом с сильным латино-польско-украинским барочным влиянием. Автор формализовал работу по составлению проповедей, но и развивал искусство «витийства»: находил визуально-образные тропы, использовал античные и библейские истории, а также обращался к современным ему событиям.

Юлия Николаевна ЗВЕЗДИНА (Москва)**Аристотель в памятниках периодов Средневековья
и перехода к Новому времени в России**

В период Средневековья Аристотель появляется в росписях древнерусских храмов в роли пророка, предвозвестившего воплощение Христа от Девы. Наиболее известный памятник — деталь стенописи на галерее Благовещенского собора Московского Кремля, созданной в грозненское время. Здесь он вместе с рядом других античных философов и поэтом Гомером вошел в общую композицию «Древо Иессеево». Появление образа знаменитого философа основано на широко распространенном тексте «Порочества еллинских мудрецов». В переходный период второй половины XVII в. имя Аристотеля встречается в опусах ведущих киевских проповедников — Иоанникия Галатовского и Антония Радивиловского. Их книги довольно быстро разошлись по всей России, включая Сибирь. Распространение науки привело к тому, что духовные авторы, трактуя тему пророчества и чудесного предсказания в античности, обычно использовали мифологические образы или упоминали статуи языческих божеств — «болванов», «богов поганских», а в случае обращения к античной философии цитировали самих античных авторов, в том числе и Аристотеля.

Алексей Васильевич Соколов (Москва)**Аристотель в схоластических курсах философии
высших учебных заведений России XVIII века**

В начале XVIII в. в России стала складываться система высшего образования. Эта система пришла в Россию с Украины, ядром её была Киевская академия, а главными агентами — обучавшиеся в ней церковные иерархи. Содержанием данной образовательной системы был позднесредневековый схоластический канон знаний, сформировавшийся ещё в XVI в. в Западной Европе и затем проникший в Польшу, а оттуда — на Украину, где он был согласован с православным вероучением. В двухлетнем курсе философии, с которого начинался этап собственно высшего образования, преподавались четыре дисциплины: диалектика, логика, физика и метафизика. Со временем к ним стала добавляться ещё и этика. Все эти курсы строились на соответствующих трактатах Аристотеля. Следование Аристотелю нередко подчёркивалось в самих названиях курсов. Вопреки этому, в некоторых вопросах подлинный Аристотель подменялся теологическими интерпретациями. Эра почти полувекового абсолютного преобладания Аристотеля в курсах философии закончилась в середине XVIII в., когда волевым решением Синода в академиях, коллегиях и семинариях был введён учебник философии вольфианца Баумейстера, и в Российской философии началась эпоха Хр. Вольфа.

Наталья Юрьевна СУХОВА (Москва)

Рецепция аристотелевой этики

в русском «школьном» богословии 2-й половины XIX века

Аристотель и его наследие имеют непростую и неоднозначную историю в русском «школьном» богословии, это замечание можно отнести и к аристотелевой этике. Ее стабильное включение в российское научно-образовательное пространство следует связать с малороссийским «экспериментом» святителя Петра Могилы. Принятая им в начале 1630-х гг. иезуитская образовательная модель, а с ней и «схоластизированные» аристотелевы нравоучительные идеи оказали влияние и на великоросскую традицию подготовки духовенства. Впервые выделивший нравственное богословие в качестве особой дисциплины Феофан (Прокопович), хотя и совершил резкий отход от ненавидимых им «схоластов», ссылаясь на Аристотеля. Новый этап внимания к аристотелевой этике в российской духовной школе» начался в середине XIX в. На этом этапе можно выделить две линии развития «аристотелизма»: в Киевской и Санкт-Петербургской духовных академиях. В Киеве наиболее ярким выразителем «аристотелизма» явился профессор нравственного богословия М. А. Олесницкий; в Петербурге — протоиерей Иоанн Янышев и его ученик и последователь А.А. Бронзов. Последний в своем специальном труде — «Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности» (СПб., 1884) — постарался выразить отношение к идеям греческого философа, его «схоластизированному» варианту и приемлемости их для российского православного нравоучения.

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Сусуму ТАНАБЭ (Стамбул, Турция)

Понятие рода (τὸ γένος) у Аристотеля

и естественная наука после картезианской революции

Согласно Декарту существует всеобщая наука (*mathesis universalis*), которая в состоянии объяснять все, что связано с порядком и измерением вне зависимости от того, о каком материале идет речь. С другой стороны Аристотель утверждал, что геометрическое доказательство должно быть четко отделено от арифметического. Для него геометрическая, непрерывная величина коренным образом отлична от дискретных чисел, так как они относятся к разным родам (τὰ ἕτερα γένη). Аристотель не придавал верховную роль Бытию, которое для Платона являлось вершиной иерархии всех родов. Таким образом, учение Стагирита расчленило мир на многочисленные, друг к другу несводимые и друг с другом несообщаемые категории родов. Со времен научной революции Галилея и Ньютона аристотелевское видение физического мира находится в затруднительном положении. По-видимому, картезианский принцип, признавший математику единственным руководящим принципом при исследовании физической реальности, стал опорой механистического мировоззрения жизни, которое пытается свести все биологические процессы к физико-химическим реакциям (редукционизм). В данной исторической перспективе, мы пересматриваем аристотелевское понятие «рода» в поисках его положительной оценки. Возможно, оно даст отпор чрезмерно геометризированному или арифметизированному взгляду на биологию и медицину.

Андрей Вячеславович Родин (Москва; Санкт-Петербург)

Всеобщая математика и идея логики у Аристотеля

Аристотелевское понятие о логике, которую он называл «аналитикой», следующим образом обобщает понятие о «всеобщей математике» (см., например, *Met.* 1026a25-27). Если «всеобщая математика» применима к любым математическим дисциплинам включая арифметику и геометрию, то логика также применима ко всем естественным наукам, которые Аристотель называет общим именем «физики». Аристотель использует современное ему понятие о математических аксиомах или общих понятиях, которые служат общим основанием для различных математических дисциплин, чтобы развить свое новое понятие о логических принципах, которые он также называет аксиомами, и которые должны служить

основаниями любых наук включая физику. Аристотелевский проект развития теории логики является частью его более широкой эпистемической стратегии направленной на установление оснований науки независимых от оснований математики, которые, с точки зрения Аристотеля, имеют более специальный характер. В моем докладе я приведу текстуальные свидетельства в пользу только что приведенного прочтения Аристотеля и проанализирую диалектику связи между логическими и математическими принципами, которую можно найти в работах этого автора. Наконец я коротко прослежу историю аристотелевской идеи логического обоснования науки и попытаюсь объяснить, почему использование логических методов в науке до сих пор имело только очень ограниченный успех.

Елена Аркадьевна МАМЧУР (Москва)
Аристотелевский «топос» и современная физика

Анализируются пространственные представления аристотелевской физики, являющиеся ключевыми для теории движения Стагирита. В физике Аристотеля пространства как такового нет: есть «место» (топос) тела, которое определяется как *«первая граница тела, объемлющего тело, о котором ведется речь»*. Основной целью Аристотеля, предложившего такое определение пространства, было стремление в споре с атомистами опровергнуть мнение о том, что для движения тел необходимо существование пустоты. Показана несоизмеримость пространственных представлений аристотелевской физики и физики Нового времени. Ньютон также как и Аристотель оперирует понятием места (тела), говорит об отделимости места от тел, утверждает, что место может быть оставлено телом и т.п., но слова «отделимо», «оставлено» и т.д. наполнены у него совсем другим смыслом по сравнению с тем, какое они имеют в физике Аристотеля. В аристотелевской физике места отделимы от тел в локальном смысле слова, и не отделимы в глобальном, в то время как физика Нового времени исходит из полной отделимости места от тел и в глобальном, и в локальном смысле. С точки зрения перспектив развития современной физики, неотделимость мест от тел является наиболее существенной характеристикой пространственных идей Аристотеля. Это утверждение обосновывается в докладе, с одной стороны, фактом существования параллелей между аристотелевским понятием места и пространственными представлениями ОТО, а с другой, с идеями пространства, существующими в рамках так называемого «петлевого подхода» к созданию квантовой теории гравитации (Карло Ровелли, Ли Смолин и др.).

Оксана Юрьевна ГОНЧАРКО (Санкт-Петербург),
Дмитрий Александрович ЧЕРНОГЛАЗОВ
Комментарии к «Органону» Аристотеля и «Введению» Порфирия
в Византии XII века: Феодор Продром и его логический метод

В докладе представлена реконструкция логических и философских идей византийского автора XII века Феодора Продрома, которые отражены в трех его сочинениях: в «Комментарии ко второй книге “Второй Аналитики” Аристоте-

ля», трактате «О великом и малом», составленном в форме письма Михаилу Италику, а также в диалоге «Ксенедем или гласы», написанном в платоновской традиции диалога. Эти работы до сих пор не переведены ни на один из современных языков и мало изучены как в историко-логической научной литературе, так и в исследованиях, посвященных византийской литературе XII века, однако интересны как с точки зрения изучения историко-философской, так и историко-литературной проблематики. В докладе предполагается сосредоточиться на оценке оригинальности и степени преемственности логических идей Феодора Продрома относительно античной и византийской традиции греческих комментариев к «Органону» Аристотеля.

Андрей Юрьевич Севальников (Москва)
Метафизика Аристотеля и современная физика

Доклад посвящен проблеме связи идей Аристотеля с современной физикой. В соответствии с идеями Гейзенберга утверждается, что «понятие возможности, игравшее существенную роль в философии Аристотеля, в современной физике вновь выдвинулось на центральное место». В работе показано, как аристотелевское понимание физики, материи, его понятия — *δύναμις*, «индивидуации» и ряд других, могут быть реинтерпретированы в рамках современной трактовки квантовой механики. Утверждается, что последовательное развитие этих идей способствует не только лучшему пониманию квантовой теории, но и проблемы времени и причинности, серьезно отличающихся от сложившихся в рамках декартовской парадигмы.

Сергей Борисович Куликов (Томск)
Аристотелевская теория времени
и превратности ее толкования в XX веке

Анализ аристотелевской концепции времени, изложенной в «Физике», позволил обсудить основания критики этой концепции в XX веке. В частности, Мартин Хайдеггер видел в Аристотеле одного из основоположников классического или так называемого «расхожего» толкования времени, отождествляющего время с регулярным и равномерным движением и изменением. Сам Хайдеггер предложил идею времени, в которой темпоральность из измерительной процедуры трансформировалась в образ силы, реализуемой в рамках действий человека по мере разворачивания способов его заботы о себе. Однако есть основания полагать, что Хайдеггер не был оригинален в таком истолковании времени. Это истолкование обнаруживается уже у Аристотеля в «Физике». Зауженная интерпретация времени принадлежит не Аристотелю, а его последователям и комментаторам. Отождествление традиции истолкования аристотелевской теории времени и собственных воззрений Аристотеля привело к тому, что всестороннее исследование проблемы времени было сведено только к аспекту его измеримости. Критический анализ наследия Аристотеля позволил преодолеть выявленное заблуждение и понять, что Аристотель внес вклад в формирование

практически всех сфер европейской рациональности, в том числе в экзистенциалистскую линию исследований.

Александр Иванович ПИГАЛЕВ (Волгоград)
Аристотелевский фон «номиналистской революции» и
философские основания европейской рациональности

Целью доклада является анализ аристотелевского контекста подъема номинализма в позднем средневековье, который нередко обозначают как «номиналистскую революцию», а так же особенностей ее воздействия на выработку философских оснований европейской рациональности. Номинализм зависел от средневековой аристотелевской традиции и, в то же время, ее отторгал. В четырнадцатом веке концепция всемогущества Бога стала средоточием антиперипатетического понимания Бога, появившегося в номинализме. Проект объяснения и исправления Аристотеля был вчерне намечен Иоанном Дунсом Скотом и Уильямом Оккамом, но осуществлен их учениками в следующие столетия. Порядок мира, который средневековая аристотелевская традиция считала рациональным и стремилась доказать его рациональность с помощью аристотелевских опосредствующих схем, был поставлен под вопрос. В последующей мысли сознание свободного самоутверждающегося человека в качестве субъекта, то есть, буквально, чего-то лежащего в основании как «*cogito*», становится олицетворением разума. Декарт испытывал сильное влияние Аристотеля, например, в понимании общей структуры познания. Это влияние можно также проследить в философии Джона Локка и Томаса Гоббса.

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Ирина Игоревна БЛАУБЕРГ (Москва)

Феликс Равессон и его «Опыт о ‘Метафизике’ Аристотеля»

Феликс Равессон (1813–1900) — французский философ-спиритуалист, предшественник и учитель А. Бергсона. Он — автор двухтомного труда «Опыт о “Метафизике” Аристотеля», который, по мнению исследователей, стал важнейшей вехой во французском аристотелеведении в XIX столетии. В первом томе (1837) представлен историко-критический экскурс, целью которого было выявление подлинного плана «Метафизики», и проведен содержательный анализ этого сочинения. Во втором томе (1846) исследуется дальнейшее развитие послеаристотелевской античной философии под углом зрения отношения между первоначалом универсума и миром. Предложенная Равессоном интерпретация учения Аристотеля, в большой мере опирающаяся на идеи Шеллинга, легла в основу его концепции «спиритуалистического реализма».

Владимир Анатольевич ЯКОВЛЕВ (Москва)

**Энтелехияльная причинность в метафизике Аристотеля
и целесообразный рационализм в современной науке**

Энтелехия понимается как внутренняя сила (энергия), заключающая в себе цель и диспозиционно предполагающая результат. В современной науке происходит возвращение к представлению о холистичном бытии мироздания и целевой (информационной) причинности, от которой, начиная с Фр. Бэкона, так старалось избавиться естествознание. Все больше космологов и физиков рассуждают о «целесообразности и гармонии» физических законов, исходной «информационной матрице», или «генетическом коде», «антропном принципе» Вселенной (Б. Картер, Дж. Уиллер, И.Л. Розенталь, С. Хоукинг и др.), о «свободе выбора» на уровне элементарных частиц (Н. Бор, Ф. Дайсон и др.). Химики, математики и биологи размышляют о телеологичности, диспозиционной заданности, телеономичности химико-биологических процессов, лежащих в основе генезиса и развития живых организмов, их направленной и ускоренной цефализации, опережающей морфологические изменения и дающей возможность в кратчайшее время выйти на уровень разумной жизни (Р. Том, Лима-де-Фария, С.Д. Хайтун и др.). Введение сознания в интерпретационную картину квантовой механики ставится как задача в современной физике (В.К. Гейзенберг, W.K. Heisenberg, М.Б. Менский). Но если целевая (информационная) причинность

существует, то тогда, можно сказать, именно она определила и планковские величины и основанные на них физические законы, которые, очевидно, не существовали, пока не появилась сама Вселенная.

Евгений Алексеевич Зайцев (Москва)
Аристотелевский тезис *ars imitatio naturae*
и его судьба в Средние века и раннее Новое время

В течение почти двух тысяч лет обсуждение вопроса о технике и природе проходило в понятийных рамках, заданных аристотелевским высказыванием: “*ars alia quaedam perficit, quae natura non potest efficere, alia vero imitatur*”, “искусство в одних случаях *созидает* то, что природа не в состоянии произвести, в других же *подражает* ей” (*Phys.* II 8, 199a15-17). Сам Аристотель в соответствии с общим для классической Античности представлением об онтологической ущербности технического мира делал акцент на *миметическом* аспекте искусства. В эпоху Возрождения формируется подход, который, напротив, подчеркивает в технике аспект *совершенствования* и уподобляет ее «искусству» Творца. Ср. Николай Кузанский о создании «ложечных, чашечных и горшечных форм»: “*ars mea est magis perfectoria quam imitatoria figurarum creaturarum et in hoc infinitae arti similior*”, “мое искусство является скорее искусством *созидающим*, чем *воспроизводящим* образы уже сотворенные, и в этом оно похоже на *искусство бесконечное*” («Простец об уме» II, 62). В докладе рассматривается вопрос о мотивах указанной трансформации в период с XIII в. (начало освоения аристотелевской философии) по XVI в. (возрождение перипатетической традиции во «второй схоластике»). Особое внимание уделяется схоластическому анализу неприродных (искусственных) видов движения — равномерного (*motus uniformis / regularis*), относившегося к регистру «абсолютного могущества Бога», и механического, создаваемого человеком. В качестве источников используются средневековые комментарии к трудам Аристотеля и отдельные трактаты о движении.

Ольга Владимировна Шалыгина (Москва)
Проблема обоснования «поэтической прозы»
в контексте «Поэтики» Аристотеля

Для определения новых жанрово-родовых образований XX века актуальным остается обращение к «Поэтике» Аристотеля. В современной теории литературы не существует конвенционально признанного понятия «поэтической прозы». Ключ к определению новых жанровых форм находится в разделе 1447b «Поэтики», в котором Аристотель выделил противоречие между метром и тем, что сегодня в широком смысле называют художественным ритмом, соотносимым с понятиями «гармонии» и «целого», а также обозначил наличие смешанных прозопоэтических форм, которые однако не получили своего определения. Поль Рикер придал аристотелевской теории композиции онтологическое значение. В его понимании композиция рассматривается не как структура, из кото-

рой изъято время, а как деятельность во времени по структурированию мира — конфигурирование. «Поэтическая проза» рассматривается нами как особый жанровый метод завершения целостности, подчиняющий архитектонику стихо-прозаического единства, прозы, поэзии или их композиционных контаминаций единому принципу построения, соответствующего поэтическому хронотопу, или «вертикальному» времени. Композиционный телеологизм, трансформирующий словесные массы «поэтической прозы», является одним из основных признаков этого жанра.

Гюльтекин Байджановна ШАМИЛЛИ (Москва)

Аристотель и теория музыкальной формы: практика против теории?

Основная идея доклада заключается в следующем: несмотря на то, что Аристотель не создал цельной музыкальной теории в отдельно взятом сочинении о музыке, его представления о том, что есть *целое*, стали базовыми для формирования общеевропейской, в том числе русской, теории музыкальной формы начиная с семнадцатого века (Н. Дилецкий, Г. Риман, Э. Курт, Б. Асафьев и др.). Термин «форма» не является метафорическим для музыкальной науки. Автор доклада предлагает рассмотреть развернутый тезис, согласно которому: (1) несмотря на множественность концепций, музыкальная форма понимается как *процесс* движения материи, или «звучащего вещества», осваивающего время, когда движение является мерой времени, одновременно порождая внутреннее художественное (музыкальное, концептуальное) время; (2) данный *процесс* подчиняется общелогической формуле «начало – середина – конец»; (3) несмотря на многообразие художественных явлений так называемой «новой музыки» XX и XXI вв., относимых к «открытой форме», все эти явления, тем не менее, не нарушают аристотелевское видение формы как суммы своих частей и вписываются в генеральную интенцию западноевропейской культуры.

Анна Эдгардовна АФАНАСЬЕВА (Москва)

Наследие Аристотеля в современной социологии тела*

В новейшей гуманитарной мысли Запада наследие Аристотеля нередко становилось объектом критики, а основания западной рациональности, укоренённой в его идеях, подвергались пересмотру. Вместе с тем, целый ряд концепций, разработанных философами, социологами, антропологами второй половины XX в., фактически базируются на понятиях аристотелевской философии и этики. В докладе рассматривается связь между концепцией *габитуса*, центральной для работ известного французского философа и социолога П. Бурдьё и современной социологии тела, с категорией *ἔξις* у Аристотеля.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15–18–30005.

Михаил Владимирович Егорочкин (Москва)

«Афинская полития» Аристотеля

в русской историко-филологической науке (1891–1937 гг.)*

Исследование «Афинской политии», авторство которой чаще всего приписывают Аристотелю, по праву можно назвать одной из самых примечательных страниц в истории отечественной классической науки. В докладе рассматриваются основные вехи изучения этого трактата с 1891 г., когда появляется первый русский перевод Н.Я. Шубина, до 1937 г., когда выходит труд С.И. Радцига, содержащий не только комментированный перевод «Афинской политии», но и большое количество дополнительных материалов. После этой публикации исследования трактата на долгие годы были фактически прекращены.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 15–18–30005.

Дилбар Иргашевна Файзиходжаева (Ташкент, Узбекистан)

Трансформация теории силлогизма Аристотеля

в классификации выводов М.И. Каринского

Теория силлогизма является ядром логики Аристотеля, ее опорной точкой. Он ценил силлогистические выводы выше, чем индуктивные. С формированием индуктивной теории Бекона-Милля началось противопоставление индукции и дедукции. Русский логик XIX века М.И. Каринский в своем труде «Классификация выводов» разделяет все системы логики на две большие группы, взяв за основу их отношение к учению о силлогизме. Одна из групп принимает аристотелевскую классификацию выводов, отдавая предпочтение силлогизму. Другая отрицает значение силлогизма как вывода. Каринский критически анализирует обе точки зрения и предлагает свою классификацию, основанную на разнообразии отношений между элементами суждений: а) выводы основанные на сличение субъектов двух суждений или положительные выводы; б) выводы основанные на сличении предикатов или выводы отрицательные и гипотетические. В его классификации индуктивные выводы не противопоставляются силлогистическим выводам и устраняется разделение логики на дедуктивную и индуктивную. В докладе анализируется трансформация аристотелевской силлогистики в предложенной Каринским классификации выводов и утверждается, что она является более глубокой, фундаментальной по сравнению с классификацией логиков Нового Времени, и имеет определенное значение для объяснения логических основ теории аргументации.

Александр Львович ДОБРОХОТОВ (Москва)
Концепция «христианского аристотелизма»
в работах С.С. Аверинцева

В докладе анализируется понимание С.С. Аверинцевым судеб аристотелизма в христианской Европе и особенностей его рецепции в России. Интерпретируется его классификация культурных типов рациональности. По утверждению Аверинцева, отторжение аристотелевских принципов «золотой середины» и «формального контракта» сыграло негативную роль в культурной истории России. Рассматриваются аргументы *pro et contra* этой концепции.

Виктория Владимировна КРАВЧЕНКО (Москва)
Аристотелевские идеи в творчестве М.В. Безобразовой

Первая русская женщина — профессиональный философ М.В. Безобразова (1857–1914) в своих историко-философских работах особое место уделяла творчеству Аристотеля. Она подчеркивала особую роль «первой философии» и метафизики Стагирита, считая его «предшественником теории эволюции», сумевшим избежать крайностей абстрактного эмпиризма и абсолютного идеализма. Признанная первооткрывательница самобытной отечественной философской мысли, Безобразова в древнерусских рукописях прослеживала знакомство русских книжников с идеями Аристотеля. Одну статью она посвятила глубокому исследованию псевдоаристотелевского сочинения «Аристотелевы врата» или «Тайная тайных». В этой популярной на Руси отреченной книге сохраняется основная идея Аристотеля о зависимости душевных и духовных качеств человека от физиологических особенностей его организма. В собственном философско-этическом учении о «чистой нравственности» М.В. Безобразова оригинально интерпретировала целый ряд аристотелевских идей.

Нина Тимофеевна АБРАМОВА (Москва)
Аристотель: поступок и уклад души в философской перспективе

Истоки добродетельного поступка Аристотель возводит к самому человеку, к сознательно и добровольно избираемому укладу души — умению хорошо или дурно владеть страстями и выполнять дело. Принимая в качестве исходной мысль о частной природе уклада души и добродетельного поступка, Аристотель приходит к более общей идее о невозможности морали, одинаковой для всех. Аристотелевская традиция в понимании индивидуальности морали, уклада души и поступка получает свои рецепции в русской культуре начала XX в. (И.А. Ильин). Полагаю продуктивной реактуализацию названных аристотелевских идей посредством концепта души, которая с помощью волевой душевно-сердечной силы, силы долженствования, самопонуждает себя к благу — к чувствам любви, чести, долга, не дает злу проникнуть в душу.

УКАЗАТЕЛЬ

- АБРАМОВА, Нина Тимофеевна — 58 (СЕКЦИЯ 17).
АКИШИН, Сергей Борисович — 11 (СЕКЦИЯ 3).
АЛИЕВА, Ольга Валерьевна — 17 (СЕКЦИЯ 5).
АЛИМЖАНОВА, Алия Шарабековна — 35 (СЕКЦИЯ 10).
АЛЫМОВА, Елена Валентиновна — 6-7 (СЕКЦИЯ 2).
АПРЕСЯН, Рубен Грантович — 33 (СЕКЦИЯ 10).
АФАНАСЬЕВА, Анна Эдгардовна — 56 (СЕКЦИЯ 16).
АФОНАСИН, Евгений Васильевич — 44 (СЕКЦИЯ 13).
АФОНАСИНА, Анна Сергеевна — 5 (СЕКЦИЯ 1).
БАДАЛОТТИ, Паоло — 26 (СЕКЦИЯ 8).
БАЛАЛЫКИН, Дмитрий Алексеевич — 29-30 (СЕКЦИЯ 9).
БЕРЕСТОВ, Игорь Владимирович — 3 (СЕКЦИЯ 1).
БИРЮКОВ, Дмитрий Сергеевич — 9 (СЕКЦИЯ 3).
БЛАУБЕРГ, Ирина Игоревна — 54 (СЕКЦИЯ 16).
БОБРОВА, Ангелина Сергеевна — 13 (СЕКЦИЯ 4).
БРАГИНСКАЯ, Нина Владимировна — 8 (СЕКЦИЯ 2).
ВАРЛАМОВА, Мария Николаевна — 11 (СЕКЦИЯ 3).
ВАСЮКОВ, Владимир Леонидович — 13-14 (СЕКЦИЯ 4).
ВОЛКОВА, Надежда Павловна — 43 (СЕКЦИЯ 13).
ВОЛЬФ, Марина Николаевна — 48 (СЕКЦИЯ 14).
ВОРОБЬЕВ, Валерий Владимирович — 42-43 (СЕКЦИЯ 13).
ВОСКОБОЙНИКОВ, Олег Сергеевич — 23 (СЕКЦИЯ 7).
ГАДЖИКУРБАНОВА, Полина Аслановна — 33 (СЕКЦИЯ 10).
ГЕРАСИМЕНКО, Инна Александровна — 21 (СЕКЦИЯ 6).
ГЛУХОВ, Алексей Анатольевич — 17-18 (СЕКЦИЯ 5).
ГОНЧАРКО, Оксана Юрьевна — 51-52 (СЕКЦИЯ 15).
ГОРЮНОВА, Татьяна Александровна — 30-31 (СЕКЦИЯ 9).
ГУРЕВИЧ, Павел Семёнович — 30 (СЕКЦИЯ 9).
ГУРЬЯНОВ, Илья Геннадиевич — 8 (СЕКЦИЯ 2).
ГУЭРЗОЛИ, Родриго — 36 (СЕКЦИЯ 11).
ДОБРОХОТОВ, Александр Львович — 58 (СЕКЦИЯ 17).
ДРАГАЛИНА-ЧЕРНАЯ, Елена Григорьевна — 12.
ЕГОРОЧКИН, Михаил Владимирович — 57 (СЕКЦИЯ 17).
ЕРОХОВ, Илья Алексеевич — 39 (СЕКЦИЯ 12).
ЗАЙЦЕВ, Евгений Алексеевич — 55 (СЕКЦИЯ 16).
ЗВЕЗДИНА, Юлия Николаевна — 48 (СЕКЦИЯ 14).
ЗУБЕЦ, Ольга Прокофьевна — 33-34 (СЕКЦИЯ 10).
ИВАНОВ, Виталий Львович — 24 (СЕКЦИЯ 7).
ИСМАИЛИ, Мохаммад Джавад — 19 (СЕКЦИЯ 5).

- КАРАВАЕВА, Светлана Викторовна — 6 (СЕКЦИЯ 2).
КАРАЛИ, Лилиана — 18-19 (СЕКЦИЯ 5).
КАРПЕНКО, Александр Степанович — 12 (СЕКЦИЯ 4).
КИСЕЛЕВА, Марина Сергеевна — 47 (СЕКЦИЯ 14).
КОЩЕВА, Наталья Петровна — 38-39 (СЕКЦИЯ 12).
КОПЫЛОВА, Анастасия Олеговна — 37 (СЕКЦИЯ 11).
КРАВЧЕНКО, Виктория Владимировна — 58 (СЕКЦИЯ 17).
КУЛИКОВ, Сергей Борисович — 52-53 (СЕКЦИЯ 15).
КУПРЕЕВА, Инна — 26 (СЕКЦИЯ 8).
КУРДЫБАЙЛО, Дмитрий Сергеевич — 9 (СЕКЦИЯ 3).
КУТТИНИ, Элиза — 27 (СЕКЦИЯ 8).
ЛЕЧИЧ, Никола Добривоевич — 20 (СЕКЦИЯ 6).
ЛИНЬКОВ, Виктор Владимирович — 41 (СЕКЦИЯ 12).
ЛИТВИН, Татьяна Валерьевна — 22 (СЕКЦИЯ 6).
ЛЫСЕНКО, Виктория Георгиевна — 29 (СЕКЦИЯ 9).
МАЛИНИНА, Наталия Валерьевна — 25 (СЕКЦИЯ 7).
МАМЧУР, Елена Аркадьевна — 51 (СЕКЦИЯ 15).
МАРЕЙ, Александр Владимирович — 38 (СЕКЦИЯ 12).
МАРИАНИ, Эмануэле — 28 (СЕКЦИЯ 8).
МАРКИН, Владимир Ильич — 14-15 (СЕКЦИЯ 4).
МАСЛОВ, Данила Константинович — 24 (СЕКЦИЯ 7).
МАТУЛА, Йозеф — 27-28 (СЕКЦИЯ 8).
МАХАРОВ, Егор Михайлович — 32 (СЕКЦИЯ 9).
МАЯЦКИЙ, Михаил Александрович — 45 (СЕКЦИЯ 13).
МЕСЯЦ, Светлана Викторовна — 16 (СЕКЦИЯ 5).
МЕШКИТА, Антониу Педру — 16-17 (СЕКЦИЯ 5).
МИНЧЕНКО, Татьяна Петровна — 40 (СЕКЦИЯ 12).
МИХАЙЛОВ, Пётр Борисович — 10-11 (СЕКЦИЯ 3).
МИШУРИН, Александр Николаевич — 39 (СЕКЦИЯ 12).
МОЧАЛОВА, Ирина Николаевна — 6 (СЕКЦИЯ 2).
МУРАВЬЕВ, Алексей Владимирович — 46 (СЕКЦИЯ 14).
НАСЫРОВ, Ильшат Рашитович — 5 (СЕКЦИЯ 1).
ОКУНЕВА, Ольга Владимировна — 40 (СЕКЦИЯ 12).
ОРЛОВ, Евгений Викторович — 3 (СЕКЦИЯ 1).
ПАВЛОВ, Валерий Лукьянович — 34-35 (СЕКЦИЯ 10).
ПЕТРОВ, Валерий Валентинович — 27 (СЕКЦИЯ 8).
ПЕТРОВА, Майя Станиславовна — 43 (СЕКЦИЯ 13).
ПИГАЛЕВ, Александр Иванович — 53 (СЕКЦИЯ 15).
ПИРОЖКОВА, Софья Владиславовна — 53 (СЕКЦИЯ 15).
ПЛАТОНОВ, Роман Сергеевич — 31-32 (СЕКЦИЯ 9).
ПЛЕШКОВ, Алексей Александрович — 20 (СЕКЦИЯ 6).
ПРОТОПОПОВА, Ирина Александровна — 6 (СЕКЦИЯ 2).
РИД, Стивен — 36 (СЕКЦИЯ 11).
РОДИН, Андрей Вячеславович — 50-51 (СЕКЦИЯ 15).
САВЕЛЬЕВА, Марина Юрьевна — 22 (СЕКЦИЯ 6).
САНЖЕНАКОВ, Александр Афанасьевич — 42 (СЕКЦИЯ 13).
СВЕТЛОВ, Роман Викторович — 7 (СЕКЦИЯ 2).

- СЕВАЛЬНИКОВ, Андрей Юрьевич — 52 (СЕКЦИЯ 15).
СЕРЁГИН, Андрей Владимирович — 35 (СЕКЦИЯ 10).
СЕРЁГИНА, Анна Юрьевна — 32 (СЕКЦИЯ 9).
СОКОЛОВ, Алексей Васильевич — 48 (СЕКЦИЯ 14).
СОКОЛОВ, Павел Валерьевич — 15 (СЕКЦИЯ 4).
СОКУЛЕР, Зинаида Александровна — 14 (СЕКЦИЯ 4).
СОЛОПОВА, Мария Анатольевна — 34 (СЕКЦИЯ 10).
СОЧИЛИН, Андрей Андреевич — 25 (СЕКЦИЯ 7).
СУХОВА, Наталия Юрьевна — 49 (СЕКЦИЯ 14).
ТАНАБЭ, Сусуму — 50 (СЕКЦИЯ 15).
ТЕЙШЕЙРА-ДА МАТА, Жозе Вериссиму — 37 (СЕКЦИЯ 11).
ТИХОНОВ, Андрей Владимирович — 7-8 (СЕКЦИЯ 2).
ТОНОЯН, Лариса Грачиковна — 44 (СЕКЦИЯ 13).
ФАЙЗИХОДЖАЕВА, Дилбар Иргашевна — 57 (СЕКЦИЯ 17).
ФОКИН, Алексей Русланович — 10 (СЕКЦИЯ 3).
ФОМИН, Антон Львович — 21 (СЕКЦИЯ 6).
ХОРЬКОВ, Михаил Львович — 23-24 (СЕКЦИЯ 7).
ЧУМАКОВА, Татьяна Витаутасовна — 47 (СЕКЦИЯ 14).
ЧЕРНОГЛАЗОВ, Дмитрий Александрович — 51-52 (СЕКЦИЯ 15).
ШАЛАК, Владимир Иванович — 14 (СЕКЦИЯ 4).
ШАЛЫГИНА, Ольга Владимировна — 55-56 (СЕКЦИЯ 16).
ШАМИЛЛИ, Гюльтекин Байджановна — 56 (СЕКЦИЯ 16).
ШАНГ, Фабьен — 37 (СЕКЦИЯ 11).
ШАХНОВИЧ, Марианна Михайловна — 46-47 (СЕКЦИЯ 14).
ШИЯН, Тарас Александрович — 13 (СЕКЦИЯ 4).
ШОК, Наталия Петровна — 29-30 (СЕКЦИЯ 9).
ЩУКИН, Тимур Аркадьевич — 10 (СЕКЦИЯ 3).
ШУЛЬГА, Елена Николаевна — 31 (СЕКЦИЯ 9).
ЮНУСОВ, Артем Тимурович — 5 (СЕКЦИЯ 1).
ЯКОВЛЕВ, Владимир Анатольевич — 54-55 (СЕКЦИЯ 16).

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Аристотель и его учение.....	3
СЕКЦИЯ 2. Аристотель и Платон.....	6
СЕКЦИЯ 3. Аристотелизм в греческой христианской традиции IV–XII веков.....	9
СЕКЦИЯ 4. Аристотелевское наследие в традиционной и современной логике.....	12
СЕКЦИЯ 5. Aristotle and His Thought.....	16
СЕКЦИЯ 6. Аристотель в философской и научной традиции.....	20
СЕКЦИЯ 7. Аристотель в средневековой латинской традиции XIII–XIV веков.....	23
СЕКЦИЯ 8. Aristotle and His Thought.....	26
СЕКЦИЯ 9. Аристотель в философской и научной традиции....	29
СЕКЦИЯ 10. Аристотелевская этика.....	33
СЕКЦИЯ 11. Aristotle and His Thought.....	36
СЕКЦИЯ 12. Политическая мысль Аристотеля.....	38
СЕКЦИЯ 13. Рецепция учения Аристотеля в античной и средневековой традиции.....	42
СЕКЦИЯ 14. Аристотелевская традиция в русской средневековой книжности.....	46
СЕКЦИЯ 15. Аристотелевская традиция и естествознание.....	50
СЕКЦИЯ 16. Аристотелевская традиция в Новое и Новейшее время.....	54
СЕКЦИЯ 17. Аристотелевская традиция в России.....	57
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	59
СОДЕРЖАНИЕ.....	63

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО АРИСТОТЕЛЮ 2016

17 – 19 ОКТЯБРЯ 2016 Г.

•
МАТЕРИАЛЫ К ДОКЛАДАМ

Ответственный редактор В.В. Петров

Утверждено к печати
Институтом Философии РАН
Институтом всеобщей истории РАН

Директор издательства *М.С. Петрова*

Подписано к печати 10.10.2016
формат 60 x 90 / 16

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная
Усл. печ. л. 18. Тираж 500 экз. Зак. №

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978–5–906578–15–0

9 785906 578150